

ЗАМЕТКИ О ФАЛЬШИВОЙ КАУЗАТИВИЗАЦИИ*

© 2018

Сергей Георгиевич Татевосов

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; tatevosov@gmail.com

В статье обсуждается явление фальшивой каузативизации, состоящее в том, что некоторым вхождениям каузативного показателя не соответствует отдельное каузирующее подсобытие и его участник. Предлагаемое в работе объяснение опирается на предположение, что фальшивый каузатив маркирует нестандартное отношение между подсобытиями в событийной структуре. Практическая реализация этой идеи основывается на теории радикальной предикатной декомпозиции, согласно которой отношения между подсобытиями имеют независимую синтаксическую репрезентацию, а также на наносинтаксическую теорию фонологической реализации грамматической структуры.

Ключевые слова: актантная структура, каузатив, семантико-синтаксический интерфейс, событийная структура

NOTES ON FAKE CAUSATIVIZATION

Sergei G. Tatevosov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; tatevosov@gmail.com

The paper addresses the phenomenon I call ‘fake causativization’, whereby some occurrences of causative morphology do not contribute a subevent and its participant to the overall event structure. The main hypothesis advanced in this study is that fake causativization is triggered by a semantic relation between subevents in the syntactically represented event structure whenever it is different from the standard causal relation. This idea is implemented through nanosyntactic approach to spell-out and radical predicate decomposition, a theory of event structure that assumes relations between subevents to be syntactically represented independently of subevents themselves.

Keywords: argument structure, causativization, event structure, syntax-semantics interface

1. Двойной каузатив и фальшивый каузатив

Эта статья посвящена явлению, которое мы называем фальшивой каузативизацией, а также нескольким смежным. Основное явление иллюстрируется в (1).

- (1) *trener marat-nɜ jeger-t-ter-de*
 тренер Марат-ACC бегать-CAUS-CAUS-PST
 ‘Тренер заставил Марата бегать’.

Предложение (1) из мишарского диалекта татарского языка примечательно в нескольких отношениях. Оно содержит двойной каузатив непереходного неэргативного глагола *jeger* ‘бегать’, однако его аргументная структура и интерпретация отличаются от ожидаемой.

Присоединение первой каузативной морфемы создает глагол *jeger-t* ‘заставлять бегать’, у которого представлены два актанта: каузатор — тот, кто заставляет бегать, и агенс — тот,

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-18-02081, выполняемом в МГУ имени М. В. Ломоносова.

кто бегаёт. Последний — актанта исходной основы, тогда как первый привносится каузативной морфемой. Этот глагол показан в (2):

- (2) *trener marat-nɣ jeger-t-te*
 тренер Марат-ACC бегать-CAUS-PST
 ‘Тренер заставил Марата бегать’.

Естественно ожидать, что присоединение второй каузативной морфемы приведет к появлению еще одного каузирующего актанта и что двойной каузатив тем самым будет иметь значение ‘заставлять заставлять бегать’. Такая возможность действительно реализуется, как видно из (3):

- (3) *trener kerim-dän marat-nɣ jeger-t-ter-de*
 тренер Керим-ABL Марат-ACC бегать-CAUS-CAUS-PST
 ‘Тренер сделал так, что Керим заставил Марата бегать’.

Помимо (3), однако, двойной каузатив допускает интерпретацию, которая показана в (1), — такую, как если бы присоединения второй каузативной морфемы не произошло. Такую каузативизацию мы называем **фальшивой**. Это ставит нас перед необходимостью объяснить, каким образом в контексте наших общих знаний о каузативах (1) оказывается возможным и что в точности происходит в предложениях с фальшивым каузативом. Кроме того, требуется объяснить ненарушаемое обобщение, которое сформулировано в (4) и иллюстрируется в (5).

- (4) Фальшивая каузативизация не может быть первичной,
 где первичная каузативизация — это каузативизация непроизводного глагола.
- (5) **Marat jeger-t-te*
 Марат бегать-CAUS-PST
 ‘Марат побегал’.

В этой статье мы не претендуем на окончательное решение проблемы, однако попытаемся по крайней мере построить предварительные обобщения и наметить наиболее перспективное направление для дальнейших поисков. Изложение организовано следующим образом. В разделе 2 вводится событийный анализ каузативизации и его синтаксические корреляты. В разделах 3—4 излагаются две возможные теории фальшивого каузатива и обсуждаются их преимущества и недостатки. В разделах 5—8 формулируются четыре основные предпосылки для эмпирически адекватного анализа каузативизации: радикальная предикатная декомпозиция, наносинтаксический подход к морфологической реализации, семантика возможных отношений между подсобытиями в событийной структуре и лексические спецификации задействованных в деривации морфем. Разделы 9—11 содержат основные компоненты теории каузативизации: в разделе 9 предложен синтаксический анализ одинарного, двойного и фальшивого каузатива, в разделе 10 показаны его преимущества по сравнению с альтернативами; раздел 11 завершает изложение несколькими эмпирическими аргументами, подкрепляющими предшествующие обобщения. Дополнительный аргумент из области структуры отыменных глаголов представлен в разделе 12. Сумма наблюдений и планы на будущее изложены в Заключение.

2. Каузативизация: событийный анализ

Каузативизация долгое время понималась как операция, добавляющая к актантажной структуре исходного предиката новый каузирующий актанта. При таком взгляде на вещи семантический вклад каузатива сводится к рестрикции экстенционала исходного событийного предиката. Пусть предложение (6) на определенном этапе деривации (большинство семантистов сходятся в том, что этот этап завершается с построением глагольной группы) обозначает множество ситуаций, в которых Марат бежит.

- (6) *marat jeger-de*
Марат бегать-*PST*
'Марат побегал'.

$$(7) \quad ||_{[VP} \text{ Marat jeger-}]|| = \lambda e. \text{run}(e) \wedge \text{agent}(e) = \text{Marat}^1$$

Согласно (7), глагольная группа представляет собой событийной предикат, или характеристическую функцию множества таких событий e , что e — это бег, агенсом которого выступает Марат. (Предикат *run* может иметь сложную внутреннюю структуру, но в этом разделе он понимается как элементарный.) Если семантический вклад каузативизации ограничивается добавлением нового участника с ролью каузатора, то предложение (2), содержащее каузатив глагола 'бегать', должно обозначать событийной предикат в (8):

$$(8) \quad ||_{[VP} \text{ trener marat jeger-} t]|| = \lambda e. \text{run}(e) \wedge \text{agent}(e) = \text{Marat} \wedge \text{causer}(e) = \text{trener}$$

Множество событий в (8) — это подмножество событий в (7). Как и в (7), перед нами события, представляющие собой бег, агенсом которых выступает Марат. Каузатив ограничивает это множество дополнительным условием: каузирующим участником события выступает тренер.

Ближайшей аналогией каузативизации при таком анализе оказываются рестриктивные определения существительного. Выражение *деревянные кубики* обозначает объекты, которые суть кубики и которые сделаны из дерева. *Белые деревянные кубики* — это подмножество (не обязательно собственное), возникающее благодаря прилагательному *белые*, которое требует, чтобы рассматриваемые объекты входили в множество белых предметов.

Обрисованный в (8) анализ каузатива сталкивается с целым рядом трудноразрешимых эмпирических проблем. За неимением возможности подробно обсудить их мы отсылаем читателя к работам [Pyllkänen 2002; Tubino Blanco 2011; Lyutikova, Tatevosov 2014; Tatevosov 2015]. Предлагаемая в этих и ряде других работ альтернатива — событийный анализ каузатива, в соответствии с которым каузативный показатель добавляет к событийной структуре не только нового участника, но и новое подсобытие. При таком подходе анализ (2) выглядит как (9):

$$(9) \quad ||_{[VP} \text{ trener marat jeger-} t]|| = \lambda e. \text{causer}(e) = \text{trener} \wedge \exists e' [\text{run}(e') \wedge \text{agent}(e') = \text{Marat} \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

В соответствии с (9), каузативная глагольная группа обозначает множество событий, в которых единственным участником (с ролью каузатора) выступает тренер. Они, в свою очередь, приводят к возникновению события из экстенционала исходного предиката, а именно бега с Маратом в роли агенса. При таком анализе каузативный и исходный предикаты имеют в своем экстенционале не просто различные, а непересекающиеся множества событий — каузирующие и каузируемые. Каузативный показатель, соответственно, анализируется как функция, которая применяется к событийному предикату и создает отношение между событиями и индивидами:

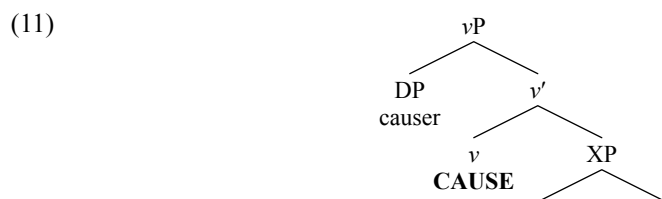
$$(10) \quad ||-t|| = \lambda P_{\langle v, e \rangle}. \lambda x. \lambda e. \text{causer}(e) = x \wedge \exists e' [P(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

Подчеркнем один важный аспект этого анализа: в (10) дескриптивные свойства каузирующего события не заданы. Об этом событии известно только две вещи: оно вызывает

¹ Здесь и далее в качестве семантического метаязыка мы используем экстенциональное λ -исчисление с базовыми логическими типами e (entities, индивиды), v (events, события) и t (truth values, истинностные значения). Сложные логические типы определяются рекурсивно стандартным образом; стандартно задается и интерпретирующая функция $||\dots||$. Мы используем неодэвидсоновский вариант семантики событий ([Parsons 1990] и последующая литература), в которой глаголы анализируются как одноместные предикаты над событиями. Их актанты вводятся с помощью семантических ролей «аген», «теме» и т. д., которые представляют собой функции логического типа $\langle v, e \rangle$ и, применяясь к некоторому событию, возвращают в качестве значения его агенс, пациенс и т. д.

каузируемое событие и у него есть участник с ролью каузатора. Такой анализ оставляет каузатив татарского типа семантически недоспецифицированным; свойства каузирующего события могут уточняться благодаря контекстной информации и энциклопедическим знаниям, но могут так и оставаться нечеткими. Анализ, основанный на семантической недоспецифицированности, отвергает идею о многозначности каузативной морфемы, которая иногда проскальзывает в работах по каузативу. (Авторы таких работ, предполагая многозначность, опираются на контекстуализованные прочтения каузатива типа ‘заставил Р’, ‘разрешил Р’, ‘научил Р’. Для каждого предлагается собственное значение из разветвленной номенклатуры универсальных, по мнению авторов, семантических единиц.)

Отдельный вопрос — как эта семантика соотносится с синтаксическими свойствами каузативной конструкции. В качестве отправной точки мы принимаем анализ в духе [Harley 2008; Miyagawa 2012; Lyutikova, Tatevosov 2014] (см. также литературу, цитируемую в этих работах). Согласно этому анализу, каузативный показатель представляет собой фонологическую реализацию вершины *v*, как показано в (11):

В спецификаторе вершины располагается именная группа, которая обозначает каузатора. В зависимости от того, что выступает комплементом вершины, обозначенным в (11) как XP, свойства каузатива могут быть существенно различны. Если $XP = VP$, перед нами каузатив, в котором CAUSE — это отношение непосредственной каузации, а каузативная глагольная группа по всем параметрам напоминает группу, проецируемую неизменяемым переходным глаголом (см. раздел 7, а также список параметров и обсуждение имеющихся сходств в [Lyutikova, Tatevosov 2014; Татевосов 2015]). Если $XP = vP$, перед нами более общее отношение каузации, включающее в качестве частного случая опосредованную каузацию². С синтаксической точки зрения такая каузативная группа многими свойствами становится похожа на полипредикативную конструкцию³.

Опознать такой каузатив можно по целому ряду признаков. Это сфера действия обстоятельств и отрицания, связывание анафорических средств, эллипсис и некоторые другие. Например, предложение (12) неоднозначно благодаря тому, что обстоятельство ‘быстро’, располагаясь линейно в одной и той же позиции, может получать разную сферу действия.

- (12) *trener tiz marat-nr jeger-t-te*
 тренер быстро Марат-ACC бегать-CAUS-PST
- ‘Тренер заставил Марата бегать, и все это произошло быстро’.
 - ‘Тренер заставил Марата быстро бегать’.
 - ‘Тренер быстро заставил Марата бегать’.

Сферы действия обстоятельства, соответствующие трем интерпретациям, показаны в (13):

² О разграничении прямой, или непосредственной/контактной, и опосредованной, или дистантной, каузации см. среди прочих [Недялков, Сильницкий 1969; Shibatani 1973; Falk 1991; Alsina 1992; Dixon 2000].

³ Полная история каузативизации включает еще одну сюжетную линию — падежное маркирование аргументов каузативной предикации. Эта линия, однако, увела бы наше повествование слишком далеко в сторону.

- (13) а. [быстро [каузация бег]]
 б. каузация [быстро [бег]]
 в. [быстро [каузация]] бег

Обнаружив при каузативизации непереходного глагола аналогичную (12) неоднозначность, мы можем заключить, что глагол проецирует vP , а значит, является неэргативным, и его внешний аргумент присоединяется в той же позиции ($Spec, vP$), что и подлежащее переходного глагола. Неэргативен, в частности, глагол ‘бегать’ в татарском языке.

Приняв эти минимальные исходные допущения, мы готовы начать обсуждение возможных подходов к анализу фальшивого каузатива.

3. Теория отождествления

Первая теория фальшивого каузатива, которую можно вынести на обсуждение, опирается на следующее исходное допущение: каузативная морфология правдиво отражает каузативный синтаксис и каузативную семантику. Каждое вхождение каузативной морфологии свидетельствует о наращении каузативной структуры в синтаксисе и добавлении каузирующего подсобытия в семантике.

Если одинарный каузатив — это вершина v и ее проекция, в спецификаторе которой размещается каузирующий актанта, то двойной каузатив — это две vP и два актанта:

- (14) Одинарный каузатив
 $[_{vP} DP [_v -t\ddot{r}-] [_{XP} \dots]]$
- (15) Двойной каузатив
 $[_{vP} DP_i [_v -t\ddot{r}-] [_{vP} DP_j [_v -t\ddot{r}-] [_{XP} \dots]]]$

Как в таком случае возникает фальшивая каузативизация? У фальшивого каузатива есть две каузативные морфемы. Тем самым мы предположительно имеем дело с конфигурацией типа (15). Каузирующая именная группа, однако, при фальшивой каузативизации имеется ровно одна, и это приглашает сделать простое предположение. При фальшивой каузативизации каузатор (например, DP_i в (15)) и каузируемый (например, DP_j в (15)) — это одно и то же. Таким образом, первая возможная теория фальшивой каузативизации — **теория отождествления актантов**.

Предположим для конкретности, что предмет анализа — предложение (16). Следуя (15), такому предложению надлежит приписать структуру в (17), где на месте XP стоит глагольная группа vP , проецируемая непроеизводной основой ‘бегать’.

- (16) *trener marat-n\ddot{r} jeger-t-ter-de*
 тренер Марат-ABL бегать-CAUS-CAUS-PST
 ‘Тренер заставил Марата бегать’.
- (17) Двойной каузатив
 $[_{vP} \dots [_v -t\ddot{r}-] [_{vP} \dots [_v -t-] [_{vP} \dots [_v jeger-] \dots]]]$

Идея состоит в том, что в (17) есть два каузирующих подсобытия, по одному на каждую каузативную морфему, плюс исходное событие ‘бегать’ — всего три. Однако участников этой сложной ситуации имеется всего два, а значит, кто-то из них задействован в двух ипостасях.

Первая возможность состоит в том, что агенс бега выступает одновременно его каузатором:

- (18) Фальшивый двойной каузатив: версия 1, вариант 1
 $[_{vP} trener [_v -t\ddot{r}-] [_{vP} marat [_v -t-] [_{vP} marat [_v jeger-] \dots]]]$

С семантической точки зрения (18) имеет интерпретацию в (19):

(19) ‘Тренер сделал так, чтобы Марат ввел себя в процесс бега’.

В (18) ИГ ‘Марат’ располагается одновременно в двух тематических позициях. В зависимости от того, допускает ли наша теория такую возможность, (18) можно понимать либо буквально, либо как упрощенную нотацию для более сложного синтаксического представления. Дж. Рэмчанд [Ramchand 2008], например, исходит из того, что одна и та же именная группа может одновременно иметь несколько тематических ролей, приобретая их путем передвижения из одной позиции в другую. При таком анализе две позиции ИГ ‘Марат’ связаны передвижением:

(20) Фальшивый двойной каузатив: версия 1, вариант 2

[_{vP} *trener* [_v -*trr*-] [_{vP} *marat* [_v -*t*-] [_{vP} ~~*marat*~~ [_v *jeger*-] ...]]]

Если теория такого не допускает, можно предполагать, что ИГ ‘Марат’ в более высокой *vP* контролирует нулевой анафорический элемент в более низкой *vP*, предположительно *pro*. Фальшивая каузативизация при таком анализе — это кореферентность одного из актантов местоимению с нулевым планом выражения. Если та же самая позиция занята полной ИГ, возникает обычная двойная каузативизация.

(21) Фальшивый двойной каузатив: версия 1, вариант 3

[_{vP} *trener* [_v -*trr*-] [_{vP} *marat*_j [_v -*t*-] [_{vP} *pro*_j [_v *jeger*-] ...]]]

Наконец, еще одна возможность состоит в том, что две позиции, которые в (20) заполнены именной группой ‘Марат’, отождествляются в результате скрытой рефлексивизации:

(22) Фальшивый двойной каузатив: версия 1, вариант 4

[_{vP} *trener* [_v -*trr*-] [_{vP} *marat* λ₁ Ø_{REFL} [_{vP} x₁ [_v -*t*-] [_{vP} x₁ [_v *jeger*-] ...]]]]]

Какая из этих трех возможностей кажется наиболее привлекательной, не слишком существенно, поскольку общий сценарий, обрисованный в (18), выглядит маловероятным по независимой причине. Если в принципе возможно, чтобы аргумент исходной ХР и аргумент первой каузативной морфемы были референциально идентичны, как в (18), возникает вопрос, на который нет ответа. Почему это происходит только в составе бикаузативной конфигурации? Что мешает этому сценарию реализоваться в случае одинарной каузативизации, как показано в (23)?

(23) Фальшивый одинарный каузатив

[_{vP} *marat* [_v -*t*-] [_{vP} *marat* [_v *jeger*-] ...]]]

Если бы (23) было возможно, предложение (5), повторяемое как (24), в котором каузативная морфема не оказывает видимого влияния на актантную структуру, было бы грамматично вопреки тому, что мы наблюдаем в реальности.

(24) **marat jeger-t-te*

Марат бегать-CAUS-PST

‘Марат ввел себя в процесс бега’.

Чтобы объяснить неграмматичность (24), необходимы дополнительные допущения о том, почему структура (23) дефектна в составе независимого предложения и что спасает ее от дериивационного краха, если выше надстраивается еще одна *vP*, как в (18). Мы не видим интуитивно убедительных способов решить эту проблему и на этом основании отвергаем анализ в (18).

Есть другая возможность. Предположим, что два актанта двойного каузатива действительно отождествляются, но это два других актанта — те, которые возникают при каузативизации:

(25) Фальшивый двойной каузатив: версия 2

[_{vP} *trener* [_v -*trr*-] [_{vP} *trener* [_v -*t*-] [_{vP} *marat* [_v *jeger*-] ...]]]

(25) существенно лучше, чем (18), в том смысле, что отождествление актантов происходит именно в составе конфигурации с двойным каузативом: совпадают производные актанты, введенные каждый своей каузативной морфемой. Если удастся связать способность к отождествлению со свойствами каузативной морфемы, анализ будет верно предсказывать, что при каузативизации непроецируемой конфигурации ничего подобного не происходит. Для этого необходима гарантия, что внешний аргумент непроецируемой основы, в отличие от аргумента каузативной морфемы, не способен к отождествлению.

Вот короткий набросок системы, которая приводит именно к такому результату.

Прежде всего, предположим, что каузативная морфема допускает для своего аргумента некоторую семантическую свободу: это может быть и событийный предикат, и отношение между индивидами и событиями:

$$(26) \quad \|\text{-}t\text{-}r\text{-}\| = \begin{cases} \lambda P_{\langle v, t \rangle} \lambda x. \lambda e. \exists e' [P(e') \wedge \text{causer}(e) = x \wedge \text{cause}(e')(e)] \\ \lambda R_{\langle e, \langle v, t \rangle \rangle} \lambda y. \lambda x. \lambda e. \exists e' [R(y)(e') \wedge \text{causer}(e) = x \wedge \text{cause}(e')(e)] \end{cases}$$

Глагольная группа vP , проецируемая непроецируемой основой, имеет семантическое представление в (7), повторяемом как (27), и обозначает предикат над событиями бега, в которых Марат задействован в качестве агенса.

$$(27) \quad \|\llbracket_{vP} \text{marat jeger-} \rrbracket\| = \lambda e. \text{run}(e) \wedge \text{agent}(e) = \text{Marat}$$

На первом шаге каузативизации присоединяется первая каузативная морфема:

$$(28) \quad \|\llbracket_{v'} \text{-}t\text{-}r\text{-} \llbracket_{vP} \text{marat jeger-} \rrbracket \rrbracket\| = \\ \lambda P_{\langle v, t \rangle} \lambda x. \lambda e. \exists e' [P(e') \wedge \text{cause}(e) = x \wedge \text{cause}(e')(e)] (\lambda e. \text{run}(e) \wedge \text{agent}(e) = \text{Marat}) = \\ \lambda x. \lambda e. \exists e' [\text{run}(e') \wedge \text{agent}(e') = \text{Marat} \wedge \text{causer}(e) = x \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

Вложенная глагольная группа в (27) имеет логический тип событийного предиката $\langle v, t \rangle$, и к нему применяется верхняя строчка (26). В результате получается отношение между каузирующими событиями и их индивидными участниками в (28). В этом месте становятся возможны два пути дальнейшей деривации.

Первый путь: внешняя v проецирует спецификатор, в котором появляется ИГ-каузатор. На выходе образуется vP , обозначающая событийный предикат логического типа $\langle v, t \rangle$:

$$(29) \quad \|\llbracket_{vP} \text{Kerim} \llbracket_{v'} \text{-}t\text{-} \llbracket_{vP} \text{Marat jeger-} \rrbracket \rrbracket \rrbracket\| = \lambda e. \exists e' [\text{run}(e') \wedge \text{agent}(e') = \text{Marat} \wedge \text{causer}(e) = \text{Kerim} \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

(29) обозначает множество событий, каузатором которых выступает Керим и которые вызывают событие, в котором Марат бежит. Перед нами одинарный каузатив. Событийный предикат в (29) служит основой для «настоящего» двойного каузатива, повторяемого как (30):

$$(30) \quad \begin{array}{llll} \text{trener} & \text{kerim-dān} & \text{marat-nr} & \text{jeger-t-ter-de} \\ \text{тренер} & \text{Керим-AVL} & \text{Марат-ACC} & \text{бегать-CAUS-CAUS-PST} \end{array}$$

‘Тренер сделал так, что Керим заставил Марата бегать’.

(30) получается из (29) присоединением второй каузативной морфемы и заполнением позиции ее индивидного аргумента. Каузативная морфема использует тот вариант своей семантики, который представлен в первой строчке (26).

$$(31) \quad \|\llbracket_{vP} \text{trener} \llbracket_{v'} \text{-}t\text{-}r\text{-} \llbracket_{vP} \text{Kerim} \llbracket_{v'} \text{-}t\text{-} \llbracket_{vP} \text{Marat jeger-} \rrbracket \rrbracket \rrbracket \rrbracket\| = \\ \lambda e. \exists e' \exists e'' [\text{run}(e'') \wedge \text{agent}(e'') = \text{Marat} \wedge \text{causer}(e') = \text{Kerim} \wedge \text{cause}(e')(e') \wedge \text{causer}(e) = \text{trener} \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

В (31) имеются три события, связанные отношением каузации, и три их участника. Тренер, участник первого каузирующего события e , делает нечто, что вызывает к жизни второе событие e' , участником которого выступает Керим. Участие Керима в e' приводит

к возникновению e'' , бега Марата. Все это вместе и создает ту интерпретацию, которую мы видим в (30).

Однако можно предположить и второй путь, по которому продолжается деривация после того, как она достигла стадии (28). Спецификатор в верхней vP не проецируется, и vP в результате обозначает то же отношение между индивидами и событиями, что и v' :

$$(32) \quad \llbracket [_{vP} -t- [_{vP} marat jeger-]] \rrbracket = \lambda x. \lambda e. \exists e' [run(e') \wedge agent(Marat)(e') \wedge causer(e) = x \wedge cause(e')(e)]$$

Далее происходит следующий этап каузативизации. На этом этапе второе вхождение каузативной морфемы интерпретируется в соответствии с нижней строчкой (26), поскольку vP -комплемент, который она принимает в качестве аргумента, имеет, согласно (32), логический тип $\langle e, \langle v, t \rangle \rangle$:

$$(33) \quad \begin{aligned} \llbracket [_{v'} -t\bar{r}- [_{vP} -t- [_{vP} marat jeger-]] \rrbracket &= \\ \lambda R_{\langle e, \langle v, t \rangle \rangle}. \lambda y. \lambda x. \lambda e. \exists e' [R(y)(e') \wedge causer(e) = x \wedge cause(e')(e)] &(\lambda x. \lambda e. \exists e' [run(e') \wedge \\ agent(e') = Marat \wedge causer(e) = x \wedge cause(e')(e)]) &= \\ \lambda y. \lambda x. \lambda e. \exists e' \exists e'' [run(e'') \wedge agent(e'') = Marat \wedge causer(e') = y \wedge cause(e'')(e') \wedge \\ causer(e) = x \wedge cause(e')(e)] \end{aligned}$$

В (33) перед нами отношение между двумя индивидами и событиями: позиции обоих каузаторов, «верхнего» и «нижнего», на этом этапе по-прежнему активны, то есть не насыщены аргументными именными группами. Верхняя vP , однако, как и любая vP , способна иметь в своем спецификаторе ровно одну именную группу, которая не в состоянии заполнить обе аргументные позиции в (35). Поэтому единственный способ спасти деривацию от крушения — отождествить обе позиции, например, посредством рефлексивизации: аналогичная возможность обсуждалась в (22). Рефлексивный оператор представлен в (34):

$$(34) \quad \llbracket REFL \rrbracket = \lambda S_{\langle e, \langle e, \langle v, t \rangle \rangle \rangle}. \lambda x. \lambda e. S(x)(x)(e)$$

Применение рефлексивного оператора (с синтаксической точки зрения его, по-видимому, следует рассматривать как адьюнкт уровня v') к (33) дает отношение между индивидами и событиями в (35).

$$(35) \quad \llbracket [_{v'} REFL [_{v'} -t\bar{r}- [_{vP} -t- [_{vP} marat jeger-]] \rrbracket \rrbracket = \lambda x. \lambda e. \exists e' \exists e'' [run(e'') \wedge agent(e'') = Marat \wedge causer(e') = x \wedge cause(e'')(e') \wedge causer(e) = x \wedge cause(e')(e)]$$

Если этот анализ правдоподобен, то следует признать, что рефлексивный оператор в (34) не имеет фонологического выражения.

Наконец, (36) показывает семантическое представление полной vP , построенной в соответствии с рассматриваемым деривационным сценарием.

$$(36) \quad \llbracket [_{vP} trener [_{v'} REFL [_{v'} -t\bar{r}- [_{vP} -t- [_{vP} marat jeger-]] \rrbracket \rrbracket \rrbracket = \lambda e. \exists e' \exists e'' [run(e'') \wedge agent(e'') = Marat \wedge causer(e') = trener \wedge cause(e'')(e') \wedge causer(e) = trener \wedge cause(e')(e)]$$

В (36) три подсобытия — два каузирующих и каузируемое, однако только два участника. Как и раньше, Марат — агенс бега. Тренер задействован в двух ипостасях — как фигура, непосредственно вызывающая бег Марата, и как более удаленный каузатор, склоняющий сам себя к тому, чтобы заставить Марата бегать. При таком анализе при двойной каузативизации всегда добавляется два каузирующих подсобытия, каждое со своим участником, но затем два каузатора отождествляются. Все элементы (36) вместе означают следующее:

$$(37) \quad \text{‘Тренер привел себя к ситуации, в которой он сделал так, что Марат (по)бегал’}$$

Вопрос об эмпирической адекватности этого анализа мы обсудим позже. Когда будут сформулированы все альтернативы, мы сосредоточимся на вопросе о том, какие предсказания по поводу мишарского материала делает каждая из них, и, исходя из этого, сможем выбрать наилучшую.

Основной итог этого раздела, таким образом, — это общая схема анализа, который опирается на допущение, что каждое вхождение каузативной морфемы вводит в семантическое и синтаксическое представление новое подсобытие и его участника. Каузаторы внешней и внутренней кузативной морфемы отождествляются, и именно так возникает фальшивая каузативизация. Участник ситуации, который непосредственно каузирует ситуацию, описываемую исходной основой, и участник, который вынуждает его к этому, — одно и то же лицо. За счет этого тот факт, что семантически мы имеем дело с двойной каузативизацией, в значительной степени маскируется.

4. Теория разделения

Намеченный в предыдущем разделе анализ опирается на предположение, что каузативная морфология находится в одно-однозначном соответствии с каузирующим событием и участником этого события, каузатором. Присутствие каузативной морфемы в составе клаузы означает, что вместе с ней в семантику вошли каузирующее подсобытие и каузатор. Это, однако, далеко не единственное возможное предположение.

Из чего следует, что событие и его участник непременно должны вводиться одной и той же языковой единицей? Строго говоря, ни из чего. Можно предположить, что эти две операции происходят частично независимо друг от друга. Если каузирующее событие введено в рассмотрение, есть выбор — вводить или не вводить его участника. Именно так рассуждает Л. Пюлккянен [Pylkkänen 2002], выдвигая гипотезу, согласно которой построение каузативной структуры происходит в два этапа. За каузирующее событие отвечает одна синтаксическая вершина, а за участника этого события — другая. Эта система показана в (38):

(38) [_{VoiceP} DP VOICE [_{CauseP} CAUSE [_{XP} ...]]]

В (38) роль собственно каузатива ограничивается тем, чтобы встроить в структуру каузирующее подсобытие. Проекция каузативной морфемы не имеет спецификатора и не соединяется с аргументной именной группой. (В отличие от синтаксической нотации, которая использовалась до сих пор, где каузативный показатель рассматривался как *v*, у Л. Пюлккянен это вершина, отличная от *v*, а именно Cause.) За появление аргумента отвечает отдельная вершина Voice, которая пришла в теорию Л. Пюлккянен от А. Кратцер [Kratzer 1996]. (Разные варианты Voice создают, как следует из названия вершины, синтаксические конфигурации, характерные для активного и пассивного залогов, для антикаузатива и т. д.)

Имеются языки, в которых, как указывает Л. Пюлккянен, разведение Voice и Cause необходимо по эмпирическим соображениям. В японском языке, например, существует так называемый каузатив ущерба, при котором клауза переходна, в глаголе присутствует показатель каузатива, однако подлежащее не является аргументом каузирующего события и не имеет семантической роли каузатора. Этот аргумент задействован как участник ситуации, для которого она имеет отрицательные последствия. Каузатив ущерба — вторая интерпретация в (39b). (39a) — обычный каузатив со значением непрямого каузации [Pylkkänen 2002: 81].

(39) японский

taroo-ga musuko-o sin-ase-ta
Таро-НОМ сын-АСС умирать-CAUS-PST

- a. 'Таро сделал так, чтобы его сын умер'.
- b. 'У Таро убило сына'.

Как подчеркивает Л. Пюлккянен, хотя в (39b) отсутствует каузатор, каузативная морфема вносит свой обычный семантический вклад — каузирующее подсобытие. (В русском переводе мы отражаем это, используя переходный глагол 'убивать' (≈ 'умирать.CAUS') в безличной форме.) На каузативный характер предложений типа (39b) указывает целый ряд характеристик, например возможность присоединять предложные группы, обозначающие каузатора и напоминающие английские PP с предлогом *by* [Pylkkänen 2002: 82]:

(40) японский

taroo-ga sensoo-ni-yotte musuko-o sin-ase-ta
 Таро-NOM война-INSTР сын-ACC умирать-CAUS-PST
 ‘У Таро сына убило на войне (букв. войной)’.

Таким образом, в (39) перед нами каузативное событие, лишенное собственного участника, каузатора. Если предположить, что внедрение в событийную структуру события и каузатора происходит в один шаг, такое положение дел исключается. Однако если это независимые операции, привязанные к разным элементам морфосинтаксической структуры, (39b) и (40) более не выглядят удивительно⁴.

Что это дает с точки зрения анализа фальшивой каузативизации в мишарском диалекте? Можно предположить, что у фальшивого каузатива количество каузативных морфем расходится с количеством аргументных ИГ по той причине, что татарский язык устроен так же, как японский. Каузативная морфема сигнализирует лишь о наличии каузирующего события. Аргумент события вводится отдельным механизмом, и при определенных условиях этот механизм или не срабатывает, или вовсе не запускается. Таким образом, вторая возможная теория фальшивого каузатива — **это теория разделения каузирующего события и его участника**.

Если этой идее возможно придать достаточную отчетливость, мы получаем теорию, которая лучше предыдущей по крайней мере в одном отношении: не понадобится сложный механизм отождествления актантов двух каузирующих подсобытий. Та валентность, которая отсутствует на поверхности, не исчезает в результате, например, скрытой рефлексивизации, а попросту никогда не возникает.

Попытаемся реализовать эту идею. Начнем со структуры настоящего двойного каузатива, где все аргументы всех подсобытий полностью реализованы. Вместо одной вершины *v* и ее проекции, ответственной и за подсобытие и за его участника, появляется две — Cause и Voice. Два слоя Cause и Voice, привязанные к каждой каузативной морфеме, плюс Voice, который вводит единственный аргумент исходного неэргативного предиката, дают (42) как структуру (41):

(41) *trener kerim-dän marat-nr jeger-t-ter-de*
 тренер Керим-AVL Марат-ACC бегать-CAUS-CAUS-PST
 ‘Тренер сделал так, что Керим заставил Марата бегать’.

(42) [_{VoiceP} *trener* [_{CauseP} -*tsr*- [_{VoiceP} *kerim* [_{CauseP} -*t*- [_{VoiceP} *marat* [_{VP} *jeger*-...]]]]]]]

Предположим, что вторая по счету вершина Voice (в (42) в ее спецификаторе размещается ИГ *kerim*) в структуре не возникает. Вместо (42) получается (43):

(43) [_{VoiceP} *trener* [_{CauseP} -*tsr*- [_{CauseP} -*t*- [_{VoiceP} *marat* [_{VP} *jeger*-]]]]]

В (43) имеется ровно то, к чему мы стремимся: каузативных морфем больше, чем каузаторов, и (43) начинает выглядеть как успешный анализ для фальшивого каузатива.

Не создает ли структура в (43) семантических проблем? На первый взгляд, нет. Рассмотрим ее семантическую деривацию. Неэргативный глагол в системе Кратцер — Пулкьянен обозначает предикат над событиями:

(44) $||[\text{VP } jeger-]|| = ||[\text{V } jeger-]|| = \lambda e.\text{run}(e)$

Вершина Voice интерпретируется как семантическая роль каузатора, то есть представляет собой отношение между индивидами и событиями в (45):

⁴ Подлежащее в предложении с каузативом ущерба при таком подходе анализируется как аргумент фонологически невыраженной аппликативной морфемы, которая подвергается А-передвижению в ту позицию, где она приобретает подлежащие свойства.

$$(45) \quad \|\text{Voice}\| = \lambda x. \lambda e. \text{causer}(e) = x$$

Отношение в (45) соединяется с означаемым зависимой VP с помощью правила семантической композиции, известного как идентификация событий (Event Identification, EI):

$$(46) \quad \text{EI}(\lambda x. \lambda e. \alpha(x)(e), \lambda e. \beta(e)) = \lambda x. \lambda e. \alpha(x)(e) \wedge \beta(e)$$

Смысл идентификации событий состоит в следующем: мы берем отношение между индивидами и событиями α и извлекаем из него те члены отношения, пары индивидов и событий, в которых события удовлетворяют предикату β . При помощи идентификации событий из (44) и (45) возникает (47):

$$(47) \quad \|\text{Voice}' \text{Voice} [\text{VP } jeger-]\| = \lambda x. \lambda e. \text{causer}(e) = x \wedge \text{run}(e)$$

В спецификаторе VoiceP присоединяется аргумент предиката 'бежать', после чего образуется событийный предикат в (48):

$$(48) \quad \|\text{VoiceP } marat [\text{Voice}' \text{Voice} [\text{VP } jeger-]]\| = \lambda e. \text{causer}(e) = \text{Marat} \wedge \text{run}(e)$$

На этом этапе начинается каузативизация. Поскольку семантическая роль каузатора более не является компонентом семантики каузативной вершины, анализ каузатива меняется. Его роль сводится к добавлению каузирующего подсобытия:

$$(49) \quad \|\text{CAUSE}\| = \lambda P. \lambda e. \exists e' [\text{cause}(e')(e) \wedge P(e')]$$

Семантика вложенной CauseP в (42), соответственно, выглядит как (50):

$$(50) \quad \|\text{CauseP } -t- [\text{VoiceP } marat [\text{Voice}' \text{Voice} [\text{VP } jeger-]]]\| = \lambda e. \exists e' [\text{cause}(e')(e) \wedge \text{causer}(e') = \text{Marat} \wedge \text{run}(e')]$$

Согласно (43), CauseP в (50) не присоединяет вершину Voice, а вместо этого соединяется со второй каузативной вершиной. Образуется внешняя CauseP в (43), которая обозначает событийный предикат в (51):

$$(51) \quad \|\text{CauseP } -ttr- [\text{CauseP } -t- [\text{VoiceP } marat [\text{Voice}' \text{Voice} [\text{VP } jeger-]]]]\| = \lambda e. \exists e' \exists e'' [\text{cause}(e')(e) \wedge \text{cause}(e'')(e') \wedge \text{causer}(e'') = \text{Marat} \wedge \text{run}(e'')]$$

Наконец, последний шаг деривации — присоединение самой внешней вершины Voice и внешнего каузатора в позиции ее спецификатора:

$$(52) \quad \|\text{VoiceP } trener \text{Voice} [\text{CauseP } -ttr- [\text{CauseP } -t- [\text{VoiceP } marat [\text{Voice}' \text{Voice} [\text{VP } jeger-]]]]]\| = \lambda e. \exists e' \exists e''. \text{causer}(e) = \text{trener} \wedge \text{cause}(e')(e) \wedge \text{cause}(e'')(e') \wedge \text{causer}(e'') = \text{Marat} \wedge \text{run}(e'')$$

(52) — это событийный предикат, который обозначает множество событий e со следующими свойствами:

(53) а. Участник событий e с ролью каузатора — тренер.

б. События e влекут за собой другие события, e' , которые, в свою очередь, вызывают бег Марата e'' .

Совместима ли эта семантика с тем, что наблюдается в предложении (1)? В рамках предшествующего обсуждения мы не сталкивались с фактами, свидетельствующими об обратном. К вопросу о том, верно ли семантика в (53) предсказывает нюансы интерпретации фальшивых каузативов, мы вернемся в разделе 10, а здесь обсудим другую проблему этого анализа.

(52) предполагает, что внедрение в структуру подсобытия и его участника — это независимые семантико-синтаксические операции. Из этого вытекает простое следствие. Коль скоро появление подсобытия без участника в принципе допускается (а только такое допущение и делает анализ в (52) возможным), мы предсказываем, что это может случиться

с любым подсобытием в любой событийной структуре. И для случаев, когда это предсказание не выполняется, понадобится дополнительное объяснение.

Предсказание действительно не выполняется: явно не любое подсобытие способно существовать в событийной структуре, в которой ему не приписан индивидуальный участник.

Прежде всего, к этому не способна простая неэргативная основа (как, впрочем, и никакая другая непрямая основа):

- (54) **jeger-de*
 бегать-PST
 ‘Состоялся бег’.

В татарском предложении должно быть фонологически реализованное подлежащее, и, если его нет, предложение неграмматично. Это означает, что в неэргативных и переходных предложениях, где подлежащее — это внешний аргумент, необходима минимум одна вершина Voice на клаузу:

- (55) Обязательность VoiceP в клаузах с переходными и неэргативными глаголами
 [CP ... [VoiceP DP [VP *jeger*-]]]

Рассмотрим одинарную каузативизацию. Если вершина Voice факультативна, есть три логические возможности в (56)—(59): две проекции Voice, проекция Voice над VP, проекция Voice над CauseP. Четвертая возможность — ни одной проекции Voice — исключается в силу требования (55).

- (56) [CP ... [VoiceP DP_i [CauseP -t- [VoiceP DP_j [VP *jeger*-]]]]]

- (57) [CP ... [CauseP -t- [VoiceP DP_j [VP *jeger*-]]]]

- (58) [CP ... [VoiceP DP_i [CauseP -t- [VP *jeger*-]]]]

(56) соответствует грамматичное предложение (59): это уже известный одинарный каузатив в (2), единственный грамматичный вариант из трех.

- (59) *trener marat-nr jeger-t-te*
 тренер Марат-ACC бегать-CAUS-PST
 ‘Тренер заставил Марата бегать’.

Теперь следует понять, что неблагополучно с (57)—(58). Рассмотрим подробнее (58). Ему должно соответствовать предложение с двумя подсобытиями — событием бега и событием, каузирующим бег, — и одной ИГ. ИГ должна быть аргументом каузирующего события, но не каузируемого. (58) тем самым предсказывает возможность (60):

- (60) **marat jeger-t-te*
 Марат бегать-CAUS-PST
 ‘Марат сделал так, чтобы произошел бег’.

(60), однако, неграмматично как в приведенной интерпретации, так и в любой другой: как мы уже видели в (5), одинарной фальшивой каузативизации не существует. Почему это так?

Для того чтобы в клаузе возникло подлежащее, необходимо и достаточно иметь одну ИГ, и она в (60) есть — это аргумент каузативной морфемы. Значит, дело не в проблеме с подлежащим.

Может быть, Cause нуждается в VoiceP как в комплементе, а (58) плохо потому, что эта потребность не удовлетворяется? Такое предположение следует, однако, отвергнуть, поскольку анализ в (52), ради которого все затевалось, становится невозможным: в (52) комплементом Cause выступает CauseP, а не VoiceP. Предположение, что (58) невозможно по семантическим причинам, например, потому, что VP и Cause имеют конфликтующие логические типы, неправдоподобно: VP — это событийный предикат типа <v,t>, а Cause нуждается в выражении именно такого типа. Что бы мы ни предположили, свести невозможность (58) к несоединимости Cause и VP не получается.

Остается одно: в (58) неуютно чувствует себя не морфема Cause, а морфема *jeger*, которая нуждается в том, чтобы над ней размещалась проекция Voice. Почему? Например, потому, что внешний аргумент неэргатива — это, вопреки [Kratzer 1996], все-таки аргумент основы, которому VoiceP обеспечивает синтаксическую реализацию, присоединяя ИГ в своем спецификаторе. В (58) VoiceP отсутствует, потребности основы в индивидуальном аргументе не удовлетворяются, и именно этим объясняется неприемлемость (60).

Это довольно неприятный ход, поскольку он с неизбежностью влечет ревизию кратце-рианской архитектуры глагольной группы, построенной на предположении, что единственный аргумент неэргативных основ — событийный. После ревизии деривация VoiceP будет устроена следующим образом:

$$(61) \quad \llbracket [\text{VP } jeger-] \rrbracket = \llbracket [\text{V } jeger-] \rrbracket = \lambda x. \lambda e. \text{run}(e) \wedge \text{agent}(e) = x$$

$$(62) \quad \llbracket \text{Voice} \rrbracket = \lambda R. R$$

$$(63) \quad \llbracket [\text{VoiceP } marat \text{ Voice } [\text{VP } jeger-]] \rrbracket = \lambda e. \text{run}(e) \wedge \text{agent}(e) = \text{Marat}$$

Если внешний аргумент присутствует уже на уровне VP, Voice следует анализировать как функцию эквивалентности в (62). Это не слишком изящно, но не фатально, тем более что структура в (58), как мы и хотим, исключается из рассмотрения.

Однако остается конфигурация в (57), которая предсказывается теорией в стиле Л. Полякянен и которая в реальности невозможна, как и (58). Структура в (57), повторяемая как (64), делает возможным фальшивый одинарный каузатив в (65), в котором Марат задействован в качестве агенса бега, а каузирующая ситуация не имеет индивидуального участника:

$$(64) \quad [\text{CP} \dots [\text{CauseP } -t- [\text{VoiceP } \text{DP } [\text{VP } jeger-]]]]$$

$$(65) \quad \begin{array}{ll} *marat & jeger-t-te \\ \text{Марат} & \text{бегать-CAUS-PST} \end{array}$$

‘Случилось так, что Марату пришлось побегать’.

Проблема состоит в том, что CauseP в (64) — это одновременно компонент фальшивого двойного каузатива в (52), повторяемого как (66) (в (66) выделен полужирным шрифтом):

$$(66) \quad [\text{CP} \dots [\text{VoiceP } \text{DP}_i \text{ Voice } [\text{CauseP } -t- [\text{CauseP } -t- [\text{VoiceP } \text{DP}_j [\text{Voice } \text{Voice } [\text{VP } jeger-]]]]]]]]$$

Выясняется, что (64) может существовать в составе более сложной событийной структуры в (66), когда над ней надстраивается слой проекций Cause и Voice, но не допускается как элемент независимого предложения. (Это напоминает проблему, которую создает анализ с отождествлением аргументов, обсуждавшийся выше.)

Однако, почему это так, не вполне ясно. В (66) есть именная группа, которой ничто не препятствует стать подлежащим посредством обычного аргументного передвижения:

$$(67) \quad [\text{CP} \dots [\text{TP } \text{DP}_i \dots [\text{CauseP } -t- [\text{VoiceP } \text{DP}_i [\text{VP } jeger-]]]]]]$$

Причина неграмматичности, которую мы предположили для (58), здесь тоже отсутствует. Даже если основа ‘бегать’ имеет валентность на внешний аргумент в соответствии с (61), в (64) эта валентность должна успешно заполняться, поскольку непосредственно над VP доминирует VoiceP, в спецификаторе которой рождается нужная ИГ.

Поэтому, чтобы объяснить неграмматичность (66), приходится сделать еще одно дополнительное допущение: в татарском языке самая внешняя событийная проекция, в которой вводится подсобытие, должна быть покрыта оболочкой из VoiceP. Поскольку в (66) такой оболочки нет, деривация заканчивается неудачей. Безусловно, перед нами типичное допущение ad hoc, для которого не просматривается независимого обоснования⁵.

⁵ Семантической потребности в вершине Voice у CauseP нет и не может быть: CauseP обозначает событийный предикат в (52); у нее нет никаких незаполненных позиций для индивидуальных аргументов. Этот

Подведем итог этого раздела. Идея о том, что каузирующее событие и его аргумент вводятся в разных синтаксических проекциях, позволяет свести фальшивую каузативизацию к конфигурации в (43), повторяемой как (68):

(68) $[[_{\text{VoiceP}} \text{ trener } \text{Voice} [_{\text{CauseP}} -\text{trr-} [_{\text{CauseP}} -\text{t-} [_{\text{VoiceP}} \text{ marat } [_{\text{Voice}'} \text{Voice} [_{\text{VP}} \text{ jeger-}]]]]]]]]]$

Фальшивая каузативизация возникает за счет того, что проекция первой каузативной морфемы, *-t-* в (68), не соединяется с вершиной Voice, в которой вводился бы ее аргумент. В структуре представлены лишь аргументы внешней каузативной морфемы и лексической основы.

За такое объяснение, однако, приходится платить целой серией дополнительных допущений. Чтобы избежать избыточного порождения в случае одинарных каузативов, мы должны предположить, что VoiceP обязательна в двух случаях: поверх лексического глагола и поверх самой внешней событийной вершины. Эти допущения обеспечивают то, что Cause возможна без Voice в единственной позиции: между лексическим глаголом и второй каузативной морфемой. Все это теоретически возможно, но трудно отделаться от впечатления, что каждое из допущений — это *deus ex machina*. Если возможно предложить теорию, которая объясняет те же факты, но не нуждается в таком количестве подпорок, вариант, который мы обсуждали в этом разделе, перестает казаться привлекательным.

5. Радикальная предикатная декомпозиция

Увидев слабые стороны анализа, опирающегося на конфигурацию, в которой каузирующее событие и его участник содержатся в разных синтаксических проекциях, мы можем перейти к обсуждению третьей и последней возможности. Однако сначала повторим ход нашего предшествующего рассуждения.

Первый вариант анализа — теория отождествления — опирался на предположение (69):

(69) Наличие в предикации наблюдаемой каузативной морфологии свидетельствует о том, что в структуре присутствует каузирующее подсобытие и его участник.

При переходе ко второму варианту анализа мы отказались от второй части (69): если в структуре есть каузативная морфема, наверняка есть и каузирующее подсобытие, но участника может и не быть. Следующий шаг состоит в том, чтобы отказаться и от первой части предположения. Существуют такие вхождения каузативной морфемы, которые обусловлены

событийный предикат обозначает в точности события, которые должно было бы описывать несуществующее предложение в (65).

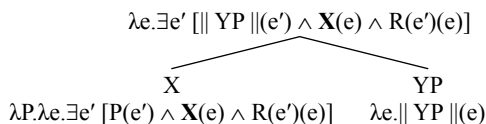
Следовательно, VoiceP обязательна в (66) по синтаксическим причинам. Возможная гипотеза: максимальной событийной структуре в рамках деривации клаузы должна соответствовать синтаксическая фаза, а маркером фазы, сигналом, что структура должна быть проинтерпретирована на интерфейсных уровнях, выступает VoiceP. (65) проблематично именно в силу того, что этого не происходит. Есть, однако, вопрос, который остается без ответа. Возможная причина, по которой VoiceP (или *vP* в других теориях) оказывается фазой, состоит в том, что именно на этом уровне создается более или менее законченный языковой объект — дескрипция события. Следующему законченному объекту — пропозиции — соответствует следующая фаза, CP. Однако, согласно (50), составляющая CauseP сама по себе создает дескрипцию события, и, почему для получения статуса фазы она нуждается в VoiceP, остается необъясненным.

Помимо всего прочего, анализ ведет нас к усложнению семантики Voice. Если комплементом Voice выступает VP, пусть даже незргативная, Voice обозначает функцию эквивалентности в (62). Однако в конфигурации $[_{\text{Voice}} [_{\text{Cause}} [...]]]$ Voice должен создать позицию для аргумента-каузатора, поскольку, согласно исходному допущению, Cause входит в деривацию без аргумента. Таким образом, функция Voice состоит в том, чтобы ввести новый аргумент, если его нет, и ничего не предпринимать в противном случае. Опять-таки, ничего теоретически невозможного в этом предположении нет, но его правдоподобность далеко не самоочевидна.

не потребностью добавить каузирующее подсобытие, а какими-то другими причинами. Какими?

Начнем с общеархитектурных рассуждений. В [Lyutikova, Tatevosov 2012; Tatevosov 2013; Татевосов 2015] мы обосновали гипотезу, согласно которой синтаксис структуры события устроен несколько сложнее, чем предполагалось до сих пор. Традиционный взгляд на вещи состоит в том, что любое подсобытие входит в деривацию вместе с отношением к нижестоящему подсобытию, как показано в (70).

(70) Композиция (под)событий:

В (70) означаемое составляющей $[X \ YP]$ представляет собой событийный предикат, имеющий сложную внутреннюю структуру. Он обозначает множество событий e , которые удовлетворяют предикату X . Каждое из этих событий находится в отношении R к некоторому событию e' , удовлетворяющему предикату $\|YP\|$, обозначаемому комплементом вершины X . Оно получается применением функции $\lambda P. \lambda e. \exists e' [P(e') \wedge X(e) \wedge R(e')(e)]$ к предикату $\lambda e. \|YP\| (e)$ как к аргументу. Если в этой функции подставить CAUSE на место отношения R , а сортовой предикат «activity» на место X , мы получим в точности семантику каузативной морфемы, как она понимается в системе Л. Пюлккянен [Pykkänen 2002] в (71) (ср. упрощенный вариант в (49) выше).

(71) $\|CAUSE\| = \lambda P. \lambda e. \exists e' [\text{cause}(e')(e) \wedge \text{activity}(e) \wedge P(e')]$

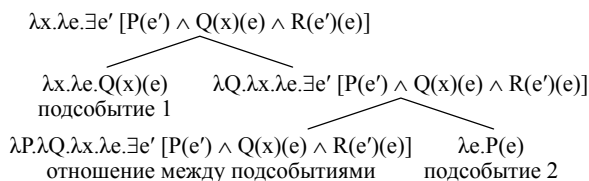
В (70) одна и та же вершина X вводит и каузирующее подсобытие, и его отношение к нижестоящему событию. Это допущение разделяют абсолютно все существующие сегодня теории событийной структуры. В [Lyutikova, Tatevosov 2014], однако, выдвигаются эмпирические аргументы в пользу альтернативы:

(72) Радикальная предикатная декомпозиция:

Отношения между подсобытиями имеют собственную синтаксическую репрезентацию.

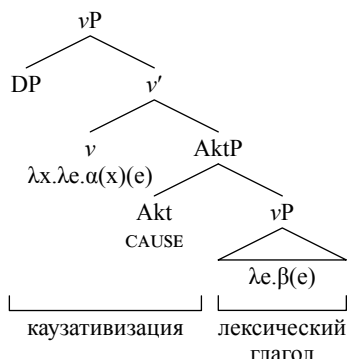
Гипотеза в (72) превращает конфигурацию в (70) в (73), где отношение R между подсобытиями вводится особой вершиной, которую мы обозначаем как $Akt(\text{ionsart})$. В такой системе, которую мы называем **радикальной предикатной декомпозицией**, событийные вершины обозначают только сами подсобытия и их дескриптивные свойства, а отношения между подсобытиями специфицируются с помощью расположенных между ними вершин Akt :

(73) Композиция (под)событий:

Анализ каузативизации неэргативов и переходных глаголов, опирающийся на радикальную предикатную декомпозицию, показан в (74). В (74) мы отказываемся от идеи расщепления v на Cause и Voice и снова предполагаем, что аргумент вводится той же вершиной, что и подсобытие. Каузальное отношение, CAUSE, однако, вводится отдельно.

(74)

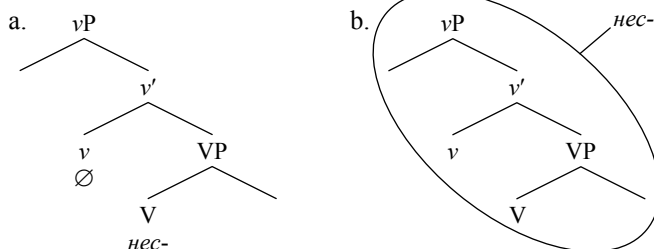
Согласно (74), при каузативизации проецируются два элемента, AktP и vP, а не один, как предполагается традиционно. *v* обозначает каузирующее подсобытие и его участника, а Akt — его отношение к подсобытию, которое создается нижней vP, проекцией лексического глагола.

6. Морфологическая реализация

Второе важнейшее допущение — наносинтаксический подход к озвучиванию, то есть к приданию синтаксической структуре плана выражения [Саха 2009; Starke 2010]. Этот подход пока мало известен у нас, и мы потратим несколько страниц, чтобы ввести читателя в курс дела.

Как предполагают наносинтаксисты, словарные единицы создают фонологическую реализацию не для отдельных вершин синтаксического дерева, а для целых составляющих. Разницу между наносинтаксическим и традиционным озвучиванием можно увидеть на простом примере с лексическим глаголом *нести*:

(75)

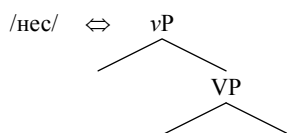

Стандартное допущение в (75a) состоит в том, что глагол присоединяется как вершина лексической категории V, а легкий глагол *v* имеет нулевой план выражения. (Еще одно стандартное, но концептуально независимое от первого, допущение — передвижение вершины V к вершине *v* с образованием сложной вершины [_v v V] — в (75a) не показано.)

При наносинтаксическом озвучивании предполагается, что глагол *нести* озвучивает целую составляющую vP, как показано в (75b). Наносинтаксическая лексическая единица — это отношение между фонологической цепочкой и синтаксическим деревом, которое она способна озвучить. Для глагола *нести*, если принять (75b), она выглядит следующим образом⁶:

⁶ В большинстве традиционных вариантов генеративно-синтаксической теории предполагается, что лексические единицы входят в деривацию, уже имея план выражения. Наносинтаксис исходит из того, что в синтаксической деривации участвуют более абстрактные элементы — пучки грамматических и семантических признаков, лишенные плана выражения. После каждой операции соединения, однако,

(76)

В общем случае, чтобы лексическая единица L могла озвучить синтаксический узел α , α должен содержаться в лексическом дереве L . Пусть, например, имеется дерево в (77) и лексические единицы в (78a-c):

(77) $[_{XP} \dots X [_{YP} \dots Y \dots]]$ (78) a. $/\alpha/ \Leftrightarrow [_{YP} \dots Y \dots]$ b. $/\beta/ \Leftrightarrow [_{XP} \dots X [_{YP} \dots Y \dots]]$ c. $/\gamma/ \Leftrightarrow [_{ZP} \dots Z [_{XP} \dots X [_{YP} \dots Y \dots]]]$

Дерево в (77) способны озвучить лексические единицы β и γ в (78b-c), поскольку для каждого узла (77) верно, что он содержится в деревьях β и γ . α не может озвучить (77), а только поддерево YP (и вершину Y).

Такая система предполагает, что лексические единицы конкурируют друг с другом за озвучивание синтаксической структуры. Например, в (77) для озвучивания Y и YP подходят единицы α , β и γ , а для X и XP — β и γ . Кто выигрывает конкуренцию, регулируется дополнительными принципами, которые также можно проиллюстрировать с помощью (77)–(78). Первый принцип называется «Побеждает крупнейший».

(79) Побеждает крупнейший:

Лексическая единица, обеспечивающая фонологической реализацией наибольшую по сравнению с конкурентами часть синтаксической структуры, имеет приоритет.

Рассмотрим α и β из (78a-b) и дерево (77). Если мы выбираем только из этих двух единиц, есть две логические возможности, иллюстрируемые в (80)–(81):

(80)
$$\begin{array}{c} [_{XP} \dots X [_{YP} \dots Y \dots]] \\ \underbrace{\hspace{1.5cm}}_{\beta} \quad \underbrace{\hspace{1.5cm}}_{\alpha} \end{array}$$
(81)
$$\begin{array}{c} [_{XP} \dots X [_{YP} \dots Y \dots]] \\ \underbrace{\hspace{3.5cm}}_{\beta} \end{array}$$

Для фонологической реализации X и XP подходит только β , так что в этом отношении выбора нет. α и β , однако, соревнуются за реализацию YP : в (80) показан случай, где побеждает α , в (81) — β . Однако принципу (79) соответствует только (81): β способна озвучить больший фрагмент структуры, чем α . Соответственно, наносинтаксис рассматривает (80) как невозможный вариант озвучивания.

Действие следующего принципа можно увидеть на примере единиц β и γ (будем вновь предполагать, что перед нами выбор из двух). Очевидно, и β и γ пригодны для озвучивания всей XP , поскольку XP содержится в лексическом представлении обеих. Выбор определяется принципом «Побеждает точнейший» в (82):

(82) Побеждает точнейший:

Лексическая единица, у которой лексическое поддерево отличается от озвучиваемого поддерева в наименьшей степени, имеет приоритет.

У единицы β лексическое поддерево совпадает с озвучиваемым. У γ в лексическом поддерево имеется дополнительная вершина Z и ее проекция. Согласно (82), побеждает β .

С содержательной точки зрения принцип «побеждает точнейший» обеспечивает выбор самой специфичной, наиболее точно соответствующей потребностям озвучиваемой структуры лексической единицы. Специфичность может иметь два проявления. Первое состоит в том, что более специфичная единица в наименьшей степени отличается от озвучиваемой структуры составом своего лексического дерева. Именно эту возможность мы наблюдаем в случае дерева (77) и лексических единиц β и γ в (78): у γ на одну проекцию больше, чем у β . Другое проявление состоит в том, что более специфичная единица отличается более полным составом **вторичных признаков**. Эта возможность иллюстрируется озвучиваемой структурой в (83) и лексическими единицами δ и ϵ в (84)—(85):

(83) $[_{XP} \dots X [_{YP} \dots Y_{F1, F2, F3} \dots]]$

(84) $/\delta/ \Leftrightarrow [_{XP} \dots X [_{YP} \dots Y_{F1, F2} \dots]]$

(85) $/\epsilon/ \Leftrightarrow [_{XP} \dots X [_{YP} \dots Y_{F1} \dots]]$

По отношению к (83) δ более специфична, чем ϵ . Хотя состав лексических деревьев δ и ϵ идентичен, набор вторичных признаков вершины Y у δ — более полное подмножество признаков озвучиваемой вершины Y в (83). Y в (83) несет признаки $\{F1, F2, F3\}$; признаковая спецификация δ содержит два из них, тогда как ϵ — только один. В соответствии с (82), δ — лучший кандидат для озвучивания (83), чем ϵ .

7. Отношения между подсобытиями

Третий и самый важный ингредиент анализа — отношения между подсобытиями, которые задаются интерпретацией вершины Akt. Мы предполагаем, что отношение определяется вторичным признаком этой вершины и что вторичных признаков имеется ровно два — [cause] и [incr].

Первый случай — каузальное отношение, обозначаемое признаком [cause]. Оно устанавливается, например, между деятельностью агенса и изменением состояния у предикатов типа ‘разрывать веревку’, ‘будить товарища’ или ‘ломать игрушку’.

Как обсуждалось в разделе 2, каузативы различают по меньшей мере два частных случая каузального отношения: прямой, или непосредственной, и не прямой, или опосредованной, каузации. Известно также, что это различие коррелирует с типом событийной структуры, к которой присоединяется каузативный показатель. Неакузативы типа ‘ломаться’ или ‘таять’ создают каузативы с непосредственной каузацией — ‘ломать’ или ‘растопливать’. Каузативы от неэргативов (например, ‘кашлять’ или ‘бегать’) и переходных глаголов (например, ‘открывать’) в нормальном случае обозначают каузацию, которая может быть как непосредственной, так и опосредованной (‘заставлять кашлять’ и ‘заставлять открывать’)⁷. (Обсуждение некоторых специальных случаев (‘ходить’ — ‘водить’, ‘есть’ — ‘кормить’ и т. п.), когда глагол переходный, а каузация тем не менее непосредственная, мы отложим до следующей описи.)

Исходя из этой корреляции, мы предполагаем, следуя анализу в [Lyutikova, Tatevosov 2014], что в языках типа татарского признак [cause] на вершине Akt интерпретируется как семантическое отношение непосредственной каузации I-CAUSE, если комплементом Akt выступает VP. В прочих случаях [cause] дает отношение общей каузации, G-CAUSE (определения обоих отношений приводятся ниже):

⁷ В литературе можно встретить мнение, согласно которому каузативы от переходных глаголов и неэргативов обозначают только опосредованную каузацию. В действительности это не так: такие каузативы неспецифицированы с точки зрения опосредованности, см. обсуждение в [Lyutikova, Tatevosov 2014].

(86) Конфигурация, в которой возникает непосредственная каузация

a. $[_{VP} \nu [_{AktP} Akt_{CAUSE} [_{VP} \dots]]]$

b. $||[cause]|| = \lambda e'. \lambda e''. I-CAUSE(e')(e'') / _ [_{VP} \dots]$

(87) Конфигурация, в которой возникает общая каузация

a. $[_{VP} \nu [_{AktP} Akt_{CAUSE} [_{VP} \dots]]]$

b. $||[cause]|| = \lambda e'. \lambda e''. G-CAUSE(e')(e'')$

Если принять предположение, что неаккузативные глаголы в языках типа татарского лишены внешней оболочки глагольной группы νP и проецируют максимум VP , непосредственный характер каузации для их каузативов вытекает из (86) без всяких дополнительных допущений. Поскольку неэргативы и переходные глаголы проецируют νP , образованный от них каузатив обозначает отношение общей каузации. В частности, каузатив глагола *jeger* 'бежать, бегать', с которым мы в основном имели дело до сих пор, — это общий каузатив.

Определение отношений общей и непосредственной каузации опирается на понятие каузальной цепочки (см. подробнее [Татевосов 2015] и обсуждаемую там литературу):

(88) Каузальная цепочка — это упорядоченное множество событий $e, e_1, e_2, \dots, e_n, e', n \geq 0$, где каждый следующий элемент каузально зависит от предыдущего.

Понятие каузальной зависимости, лежащее в основе (87), впервые предложено в работах К. Льюиса [Lewis 1973] и сформулировано в терминах контрфактической зависимости. На этом же понятии строится определение Д. Даути [Dowty 1979].

(89) Отношение каузальной зависимости:

Событие e каузально зависит от события e' тогда и только тогда, когда e не имело бы места, если бы не имело места e' .

(88)—(89) содержат несколько упрощений, не существенных для последующих обобщений. (В частности, каузальная цепочка должна быть определена через транзитивное замыкание отношения каузальной зависимости.) За более полными определениями читатель может обратиться к первоисточникам, в частности [Dowty 1979: 98—105].

Опираясь на (88), непосредственную и общую каузацию можно определить через универсальную и экзистенциальную квантификацию над элементами цепочки, как показано в (90) и (91):

(90) $||I-CAUSE(e')(e)|| = 1$ тогда и только тогда, когда e представляет собой сумму всех элементов каузальной цепочки с максимальным элементом e' , ср. [Kratzer 2005].

Определение в (90) отражает интуицию А. Кратцер [Kratzer 2005] о том, что если события e и e' связаны отношением непосредственной каузации, каузируемое событие представляет собой мереологическую часть каузирующего. Согласно (89), каузирующее событие складывается из всех элементов каузальной цепочки и включает, в частности, каузируемое событие.

Альтернативой может быть обсуждаемое в [Татевосов 2015] определение непосредственной каузации через отсутствие между причиной и следствием элементов цепочки, не относящихся к причине. В этом случае причина и следствие располагаются в каузальной цепочке контактно, но последняя не является частью первой. Как кажется, выбор одной из возможностей не влияет на последующие обобщения.

Если мы допускаем понятие суммы событий в определение каузальных отношений, как в (90), для $G-CAUSE$ естественно предложить симметричное определение:

(91) $||G-CAUSE(e')(e)|| = 1$ тогда и только тогда, когда e представляет собой сумму некоторых элементов каузальной цепочки с максимальным элементом e' , причем e — неразрывная часть цепочки (то есть для любых e'', e''' верно, что если e'' и e''' — части e , то любое событие e'''' , расположенное в цепочке между e'' и e''' , — также часть e) и e включает минимальный элемент цепочки.

I-CAUSE и G-CAUSE создают пропозиции, состоящие в отношении асимметричного следования. Если верно, что одно событие непосредственно каузирует другое, верно и то, что имеет место общая каузация. Обратное неверно. Нельзя исключить, что именно этим объясняется прагматическое усиление общей каузации до опосредованной, по крайней мере в тех случаях, где язык допускает выбор между языковыми средствами, выражающими два отношения.

Кроме двух разновидностей каузальных отношений, элементом значения естественно-языковых предикатов может быть инкрементальное отношение, предложенное С. Ротстин [Rothstein 2004]. Это отношение устанавливается между подсобытием деятельности и подсобытием изменения состояния предикатов типа ‘читать статью’ или ‘писать письмо’.

Когда происходит чтение, читательская деятельность агенса находится в одно-однозначном соответствии с изменением состояния статьи. Любая (контекстно-релевантная) часть деятельности вызывает изменение состояния пациенса. Обратно, чем больше состояние письма меняется с ‘не написано’ на ‘написано’, тем больше синхронной деятельности агенса для этого требуется.

Непереходные агентивные предикаты, такие как ‘бегать’ или ‘смеяться’, также можно анализировать как состоящие из двух компонентов: деятельности агенса, обеспечивающей его участие в определенном процессе, и самого этого процесса (именно такой анализ предложен в работе [Dowty 1979]⁸, заложившей основы предикатной декомпозиции, и некоторых последующих, например, [Ramchand 2008]). Если придерживаться такого подхода, то отношение между двумя подсобытиями такого рода также следует признать инкрементальным.

Инкрементальное отношение определяется в (92)—(93) и иллюстрируется в (94):

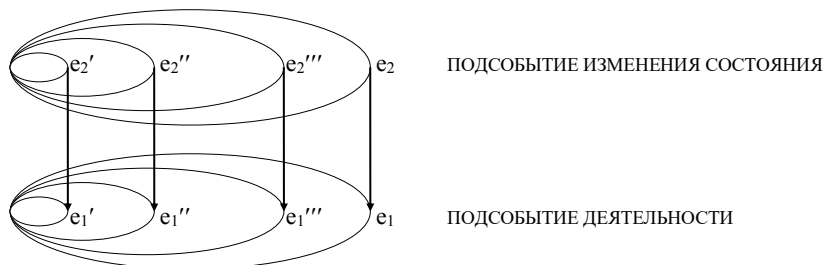
(92) **Инкрементальное отношение** [Rothstein 2004]:

$\text{INCR}(e', e'', C(e'))$ (e' состоит в инкрементальном отношении с e'' относительно инкрементальной цепочки $C(e')$) тогда и только тогда, когда имеется контекстно-зависимое одно-однозначное отношение μ из $C(e')$ в множество частей e' , $\text{PART}(e')$, такое, что $\forall e \in C(e_2). \tau(e) = \tau(\mu(e))$

(93) **Инкрементальная цепочка**

$C(e)$ — это множество частей e такое, что (i) минимальный элемент в $C(e)$ — это начальное подсобытие e , (ii) для любых элементов инкрементальной цепочки e', e'' верно, что или $e' \leq e''$, или $e'' \leq e'$ и (iii) e — элемент $C(e)$

(94)

В системе С. Ротстин роль каузального отношения, задействованного в большинстве других теорий предикатной декомпозиции, выполняет контекстно-зависимое одно-однозначное отношение μ из (92). Контекстная зависимость важна для С. Ротстин с точки зрения адекватного анализа некоторых классов производных свершений. Если не брать в расчет эти случаи, не существенные для нашего сюжета, μ можно отождествить с контекстно-независимым

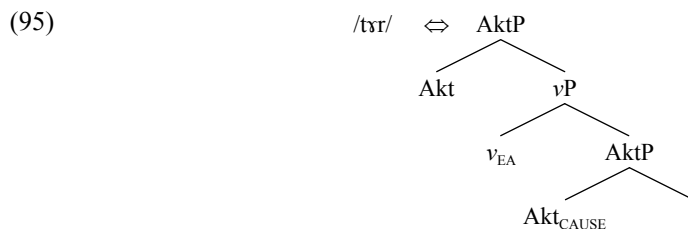
⁸ Шаблон деятельности, предложенный Д. Даути, содержит отвечающий за агентивность оператор DO, связывающий первый аргумент глагола и состояние, в котором тот находится: $\text{DO}(x, \alpha(x, \dots))$.

отношением каузации. Инкрементальное отношение в таком случае будет представлять собой разновидность каузального, которое усиливается требованием одно-однозначного соответствия между подсобытиями⁹.

Теперь у нас есть почти все необходимое, чтобы показать анализ каузативизации, предлагаемый в [Lyutikova, Tatevosov 2012; Tatevosov 2013] и его применение к изучаемому в этой статье случаю. Остающийся не сформулированным компонент — лексические спецификации для участвующих в деривации морфем.

8. Лексические спецификации

Мы предполагаем, что каузативная морфема *-tɨr-* устроена следующим образом:

Согласно (95), каузативной морфеме соответствует фрагмент структуры, содержащий подсобытие (назовем его *e*), размещающееся в *v*, плюс его отношения к двум другим подсобытиям — нижестоящему и вышестоящему. Подсобытие *e* находится к нижестоящему подсобытию в отношении (непосредственной или опосредованной) каузации, задаваемой вершиной Akt с признаком [cause]. Вторая вершина Akt не имеет вторичных признаков, и это означает, что отношение *e* к вышестоящему событию неспецифицировано. Основная инновация, которая содержится в анализе в (95), состоит в том, что каузатив вводит подсобытие и два отношения, в которые оно вступает — и к каузируемому подсобытию, и к каузирующему.

Кроме того, каузативная морфема нуждается в том варианте вершины *v*, который проецирует внешний аргумент, назовем его *v_{E(xternal)A(rgument)}*. Это гарантирует отсутствие в татарском языке так называемых некаузативных каузативов. (В пределах этого и следующих трех разделов мы будем иметь дело только с *v_{EA}*, и в порядке сокращения будем опускать вторичный признак EA в синтаксических представлениях. В разделе 12, где будет обсуждаться дополнительный набор фактов, этот признак будет играть более существенную роль.)

Для лексических глаголов следует предположить такие представления, которые реализуются в отсутствие каких-либо деривационных показателей. Например, глагол *jeger* ‘бежать, бегать’ — неэргатив. Структура неэргативной глагольной группы для такого типа глаголов показана в (96).

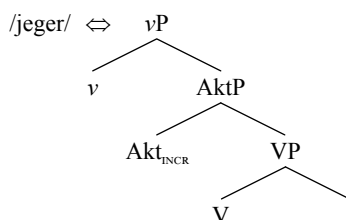

В (96) имеется проекция лексического глагола VP, обозначающая процесс бега, а также проекция легкого глагола vP, где вводится в рассмотрение агентивная деятельность, вызывающая и поддерживающая этот процесс. Два подсобытия связаны инкрементальным отношением (см. определение выше).

Очевидно, *jeger* способен озвучивать эту структуру без помощи каких-либо других лексических единиц, а значит, его лексическое представление выглядит так, как показано в (97):

⁹ Мы признательны рецензенту «Вопросов языкознания», указавшего на необходимость внести это уточнение.

(97)

9. Структура каузативов

Первый случай — одинарный каузатив; соответствующий пример повторяется в (98).

- (98) *trener marat-nx jeger-t-te*
 тренер Марат-ACC бегать-CAUS-PST
 ‘Тренер заставил Марата бегать’.

Синтаксическая структура этого предложения до озвучивания показана в (99):

- (99) $[_{CP} \dots [_{VP} DP_i v [_{AktP} Akt_{CAUSE} [_{VP} DP_j v [_{AktP} Akt_{INCR} [_{VP} V]]]]]]]$

В этой структуре нижняя vP идентична (96). Нижняя вершина Akt несет на себе признак [incr]: отношение между каузирующим подсобытием, в котором агенс приводит себя в состояние бега, и каузируемым, в котором происходит его перемещение в пространстве, инкрементально. Верхняя вершина Akt в (89) содержит признак [cause].

DP_i фонологически реализуется как *trener*, а DP_j — как *marat*; этот шаг деривации фонологической формы тривиален. Интерес представляет озвучивание глагола, его расширенных проекций и прочего материала, который отвечает за построение событийной структуры. Структура после озвучивания показана в (100):

- (100) $[_{CP} \dots \underbrace{[_{VP} DP_i v [_{AktP} Akt_{CAUSE}]]}_{-t-} \underbrace{[_{VP} DP_j v [_{AktP} Akt_{INCR} [_{VP} V]]]}_{jeger-}]$

В (100) лексическая единица *jeger* реализует всю нижнюю vP, которая в точности соответствует ее лексической спецификации в (97). За реализацию нижней вершины v с *jeger* конкурирует каузативная морфема *-tr-* в (95), однако она проигрывает конкуренцию в соответствии с принципом «Побеждает крупнейший» в (79). *Jeger* реализует последовательность v — Akt — V целиком, а *-tr-* — только v. Верхняя vP реализуется каузативной морфемой, причем вышестоящий Akt в лексической спецификации *-tr-* остается незадействованным. Поскольку, однако, точного совпадения озвучиваемой структуры с лексической спецификацией не требуется, а требуется отношение подмножества, такая ситуация не вызывает проблем с деривацией.

Интерпретация этой конфигурации очевидна. Нижняя vP обозначает уже известное множество событий, в которых происходит бег Марата. В отличие от предыдущих фрагментов, мы будем рассматривать эти события в декомпозиционной перспективе — как состоящие из каузирующей деятельности и каузируемого процесса, где Марат выступает участником обоих:

- (101) $\|[_{VP} marat jeger-]\| = \lambda e. \exists e' [run_i(e) \wedge agent(e) = Marat \wedge run_p(e') \wedge theme(Marat)(e') \wedge INCR(e')(e)(C(e'))]$,
 где run_i — предикат, обозначающий события, создающие бег, а run_p — предикат, обозначающий процесс бега

Обозначим для краткости предикат в (101) как $\lambda e. RUN(Marat)(e)$.

Внешняя вершина Akt обозначает функцию в (102). Аргументом функции выступает событийный предикат (переменная Р), обозначаемый комплементом Akt. Вершина вводит отношение между подсобытиями, которое определяется интерпретацией признака [cause]:

$$(102) \parallel \text{Akt}_{\text{CAUSE}} \parallel = \lambda P. \lambda R. \lambda x. \lambda e. \exists e'. [P(e') \wedge R(x)(e) \wedge \parallel [\text{cause}] \parallel (e')(e)]$$

Как уже говорилось, см. (85)—(86), в отсутствие локальной VP, занимающей позицию комплемента, [cause] интерпретируется как отношение общей каузации G-CAUSE.

$$(103) \parallel [\text{cause}] \parallel = \lambda e'. \lambda e''. \text{G-CAUSE}(e')(e'')$$

Применение (102) к означаемому нижней vP дает функцию в (104), которая выступает означаемым верхней AktP. В качестве аргумента эта функция требует отношение между индивидами и событиями, которое вводится вышестоящей v в (105).

$$(104) [\text{AktP Akt}_{\text{CAUSE}} [\text{vP marat jeger-}]] = \lambda R. \lambda x. \lambda e. \exists e' [\text{RUN}(\text{Marat})(e') \wedge R(x)(e) \wedge \text{I-CAUSE}(e')(e)]$$

Семантика v при таком анализе очень проста — это отношения между деятельностью и их каузирующими участниками:

$$(105) \parallel v \parallel = \lambda x. \lambda e. \text{activity}(e) \wedge \text{causer}(e) = x$$

Функция в (104) соединяется с отношением в (105) как с аргументом, а затем позиция индивидуального аргумента заполняется именной группой *trener* в Срес, vP. В результате образуется событийный предикат в (106):

$$(106) \parallel [\text{vP trener v} [\text{AktP Akt}_{\text{CAUSE}} [\text{vP marat jeger-}]]] \parallel = \lambda e. \exists e' [\text{RUN}(\text{Marat})(e') \wedge \text{activity}(e) \wedge \text{causer}(e) = \text{trener} \wedge \text{G-CAUSE}(e')(e)]$$

Предикат в (106) — множество событий, которые представляют собой деятельность тренера и которые вызывают бег Марата посредством общей каузации. Если не считать незначительных нюансов (например, различия типов каузального отношения), этот анализ дает нам для одинарного каузатива в точности то же множество событий, что и два предыдущих, которые обсуждались в разделах 3 и 4.

Следующая интересующая нас деривация — двойной каузатив, повторяемый как (107):

$$(107) \begin{array}{llll} \text{trener} & \text{kerim-dān} & \text{marat-nx} & \text{jeger-t-ter-de} \\ \text{тренер} & \text{Керим-ABL} & \text{Марат-ACC} & \text{бегать-CAUS-CAUS-PST} \end{array}$$

‘Тренер сделал так, что Керим заставил Марата бегать’.

Структура этого предложения до и после озвучивания показана в (108)—(109):

$$(108) [\text{CP} \dots [\text{vP DP}_k \text{ v} [\text{AktP Akt}_{\text{CAUSE}} [\text{vP DP}_i \text{ v} [\text{AktP Akt}_{\text{CAUSE}} [\text{vP DP}_j \text{ v} [\text{AktP Akt}_{\text{INCR}} [\text{VP V}]]]]]]]]]]]$$

$$(109) [\text{CP} \dots [\text{vP DP}_k \text{ v} [\text{AktP Akt}_{\text{CAUSE}} [\text{vP DP}_i \text{ v} [\text{AktP Akt}_{\text{CAUSE}} [\text{vP DP}_j \text{ v} [\text{AktP Akt}_{\text{INCR}} [\text{VP V}]]]]]]]]] \underbrace{\hspace{10em}}_{-ttr-} \underbrace{\hspace{10em}}_{-t-} \underbrace{\hspace{10em}}_{jeger-}$$

Два нижних слоя глагольной структуры идентичны тем, которые представлены у одинарного каузатива в (100); добавляется лишь верхний слой, состоящий из проекций v и Akt_{CAUSE}. Этот слой реализуется вторым вхождением лексической единицы -ttr-. Два вхождения -ttr- конкурируют за озвучивание верхней AktP. В конкуренции побеждает точнейший, а именно второе вхождение -ttr-: оно озвучивает эту вершину при помощи нижнего элемента Akt своего лексического дерева, который снабжен признаком [cause]. Первое вхождение -ttr- пытается сделать то же самое при помощи верхнего Akt в лексической спецификации, который не несет никаких вторичных признаков.

До уровня промежуточной vP семантическая деривация (109) происходит так же, как деривация одинарного каузатива, после чего три последних шага — присоединение Akt_{CAUSE}, присоединение v и заполнение позиции индивидуального аргумента — повторяются. Итогом деривации выступает событийный предикат в (110):

- (110) $\| [{}_{VP} \textit{trener } v [{}_{AktP} \textit{Akt}_{CAUSE} [{}_{VP} \textit{kerim } v [{}_{AktP} \textit{Akt}_{CAUSE} [{}_{VP} \textit{marat jeger-}]]]]] \| =$
 $\lambda e. \exists e'. \exists e'' [RUN(Marat)(e'') \wedge activity(e') \wedge causer(e') = Kerim \wedge G-CAUSE(e'')(e') \wedge$
 $activity(e) \wedge causer(e) = trener \wedge G-CAUSE(e')(e)]$

(110) обозначает множество событий, участником которых выступает тренер. Эти события вызывают к жизни события с участием Керима, которые, в свою очередь, инициируют процесс бега с участием Марата.

Эти два случая не составляют никаких проблем и для обсуждавшихся выше теорий. И у одинарного, и у двойного каузатива наблюдается точное соответствие между количеством каузативных морфем, каузирующих подсобытий и их участников. Теперь мы можем перейти к интересующему нас случаю: фальшивой каузативизации, где каузативных морфем на одну больше, чем индивидуальных актантов.

- (111) *trener marat-nr jeger-t-ter-de*
 тренер Марат-ABL бегать-CAUS-CAUS-PST
 'Тренер заставил Марата бегать'.

Предыдущие две теории разделяют, как мы уже видели, следующее предположение:

- (112) Количество каузативных морфем соответствует количеству подсобытий.

Там, где имеет место несовпадение в количестве каузативных морфем и участников, (112) вынуждает нас предположить либо то, что двое из участников некоторым образом отождествляются, либо то, что один из них вообще не вступает в деривацию.

Мы будем опираться на другое рассуждение. Предположим, что верно (113):

- (113) Количество участников соответствует количеству подсобытий.

Если (113) верно, тот факт, что морфем больше, чем участников, может иметь только одно объяснение: некоторые вхождения морфемы не соответствуют никакому подсобытию. Обрисуем сценарий того, как это происходит, исходя из сделанных выше допущений.

Согласно (113), у фальшивого каузатива одно каузирующее подсобытие, а не два. С этой точки зрения он устроен так же, как обычный, одинарный каузатив. Структура одинарного каузатива известна:

- (114) $[{}_{CP} \dots [{}_{VP} DP_i v [{}_{AktP} \textit{Akt}_{CAUSE} [{}_{VP} DP_j v [{}_{AktP} \textit{Akt}_{INCR} [{}_{VP} V]]]]]]]$

Если фальшивый каузатив не отличается от одинарного составом подсобытийных компонентов, то чем тогда? (114) оставляет не так уж много возможностей. В фальшивом каузативе представлена та же лексическая основа, что и в одинарном, а значит, нижняя *vP* у них устроена одинаково. Верхняя *v*, которая вводит каузирующее подсобытие и его участника, согласно предположению, одинакова у любых каузативов. Следовательно, различие заключено в верхней вершине *Akt*. Отношение между каузирующим и каузируемым подсобытиями у одинарных и фальшивых каузативов устроено по-разному.

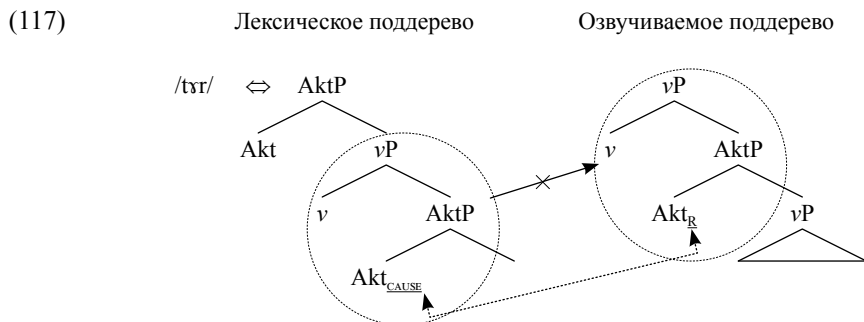
Предположим, что верхняя *Akt* вводит не каузальное отношение, а какое-то иное. Назовем его *R*. Структура фальшивого каузатива в этом случае выглядит так, как показано в (115):

- (115) $[{}_{CP} \dots [{}_{VP} DP_i v [{}_{AktP} \textit{Akt}_R [{}_{VP} DP_j v [{}_{AktP} \textit{Akt}_{INCR} [{}_{VP} V]]]]]]]$

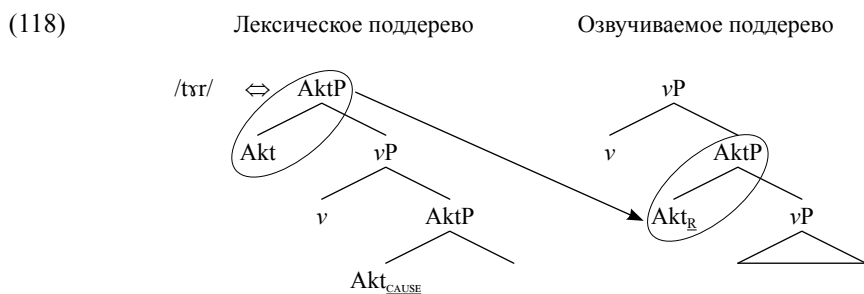
Рассмотрим, как озвучивается эта структура. Ясно, что нижняя *vP* и в (114), и в (115) реализуется одинаково — лексической единицей *jeger*. Однако для внешней *vP* и *AktP* появление у *Akt* признака *[R]* имеет решающие последствия. Первое, что необходимо увидеть, — это факт, описанный в (116):

- (116) Озвучивание последовательности *v — Akt_R* в (115) единственной лексической единицей *-ttr-* невозможно.

Невозможность показана на схеме в (117).

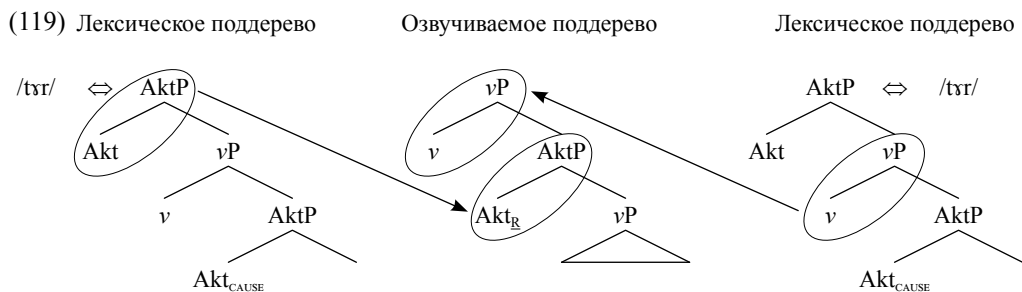

Озвучивание поддерева, образуемого последовательностью v — Akt_R , единственным показателем *-tʃr-* означает, что из своей лексической спецификации в (97) показатель использует v и Akt , расположенный под v . Однако это невозможно в силу того, что в (115) нижний Akt в лексическом дереве несет признак [cause], а озвучиваемый Akt — признак [R]. Единственная возможность озвучить Akt_R — использовать верхний Akt из лексического дерева, который не специфицирован с точки зрения вторичных признаков:

Та же самая лексическая единица *-tʃr-*, однако, не может озвучить верхнюю v : в ее лексическом дереве только одна v , и она расположена под признаково нейтральным Akt , а не над ним. Это означает, что для реализации верхней v в озвучиваемой структуре необходима еще одна лексическая единица *-tʃr-*.

Полное озвучивание структуры показано в (119):

Так при озвучивании структуры в (115), согласно нашему предположению, возникают два показателя *-tʃr-*: один реализует вершину, соответствующую каузирующему подсобытию, а второй — вершину, вводящую его отношение к событию из экстенционала производной vP . Как и у одинарного каузатива, в (115) перед нами одно каузирующее подсобытие и один каузатор. Наличие двух каузативных показателей — это артефакт озвучивания, который не означает, что и каузирующих подсобытий тоже два. Такое озвучивание имеет,

однако, семантический коррелят — отношение R, единственное, что отличает фальшивый каузатив от обычного одинарного. Любое отношение, отличное от G-CAUSE или I-CAUSE, которые строят за признаком [cause], влечет за собой озвучивание верхних Akt и v разными элементами *-ttr-*. Это автоматическое следствие лексического представления *-ttr-*, которое мы предположили, допущений об устройстве событийной структуры, которыми мы руководствуемся, и общеархитектурных соображений, принятых в наносинтаксисе.

Семантика событийной структуры фальшивого каузатива очевидна. Она идентична семантике одинарного каузатива в (110) с единственной поправкой — вместо отношения общей каузации мы имеем дело с отношением R (характер которого прояснится в следующем разделе):

$$(120) \parallel [{}_{VP} \text{ trener } v [{}_{AktR} \text{ Akt}_R [{}_{VP} \text{ marat jeger-}]] \parallel = \lambda e. \exists e' [\text{RUN}(\text{Marat})(e') \wedge \text{activity}(e) \wedge \text{causer}(e) = \text{trener} \wedge R(e')(e)]$$

Подведем итог. В этом разделе мы предложили третий и последний вариант анализа фальшивого каузатива: как и одинарный каузатив, фальшивый каузатив имеет одно каузирующее подсобытие и одного каузатора. Однако это подсобытие вступает в иное отношение с каузируемым, чем у одинарного каузатива. Именно из-за этого у фальшивого каузатива возникают два каузативных показателя. Первый реализует собственно каузирующее подсобытие, а второй маркирует тот факт, что отношение между подсобытиями R отличается от обычного каузального отношения. Об отношении R известно, что оно несводимо к каузальным отношениям общей (G-CAUSE) или непосредственной каузации (I-CAUSE). Больше никаких ограничений на его характеристики анализ не накладывает. Поэтому следующий шаг — прояснить семантический характер R. Это будет сделано в два шага. Сначала мы рассмотрим предсказания имеющихся вариантов анализа. Затем, отклонив первые два (теорию отождествления и теорию разделения) в пользу теории особого отношения, мы сформируем гипотезу о свойствах отношения R.

10. Семантические предсказания

Основное предсказание, которое делает анализ, изложенный в предыдущем разделе, состоит в том, что у фальшивого каузатива отношение между каузирующим и каузируемым событиями устроено иначе, чем у одинарного, и что это единственное свойство, которым они различаются. Семантика фальшивого каузатива в соответствии с этим анализом повторяется в (121):

$$(121) \text{ Теория особого отношения} \\ \parallel (1) \parallel = \lambda e. \exists e' [\text{RUN}(\text{Marat})(e') \wedge \text{activity}(e) \wedge \text{causer}(e) = \text{trener} \wedge R(e')(e)]$$

Что предсказывают теория отождествления и теория разделения? Варианты анализа фальшивого каузатива для этих теорий воспроизводятся в (122)—(123).

$$(122) \text{ Теория отождествления} \\ \parallel (1) \parallel = \lambda e. \exists e'. \exists e'' [\text{causer}(e) = \text{trener} \wedge \text{cause}(e')(e) \wedge \text{causer}(e') = \text{trener} \wedge \text{cause}(e'')(e') \wedge \text{agent}(e'') = \text{Marat} \wedge \text{run}(e'')]$$

$$(123) \text{ Теория разделения} \\ \parallel (1) \parallel = \lambda e. \exists e'. \exists e'' [\text{causer}(e) = \text{trener} \wedge \text{cause}(e')(e) \wedge \text{cause}(e'')(e') \wedge \text{agent}(e'') = \text{Marat} \wedge \text{run}(e'')]$$

Теория отождествления и теория разделения дают почти идентичный результат. Обе предполагают, что деятельность тренера связана с бегом Марата каузальной цепочкой, состоящей из трех подсобытий (e , e' , e''). Единственное различие: теория отождествления указывает, что ИГ-подлежащее 'тренер' выступает каузатором и в e , и в e' , тогда как теория разделения умалчивает о том, кто выступает актантом в e' . Из (122)—(123) выводятся разнообразные семантические предсказания.

Во-первых, (123) должно быть совместимо, например, с таким сценарием:

- (124) Тренер звонит отцу Марата (*e*) с просьбой уговорить Марата защитить честь родной команды — отец внушает Марату, что тот должен участвовать в соревнованиях (*e'*) — Марат бежит на соревнованиях (*e''*).

В (124) каузатор (тренер) не является участником *e'* и не вступает в контакт с каузируемым, а *e* и *e''* могут сколь угодно далеко отстоять друг от друга во времени и пространстве.

Сценарий в (124), однако, делает фальшивый каузатив невозможным. Согласно суждениям носителей языка, в этом случае при выборе между одинарным каузативом *jeger-t* и фальшивым каузативом *jeger-tter*, следует предпочесть первый:

- (125) Сценарий в (124):

- a. *trener marat-nx jeger-t-te*
тренер Марат-ACC бегать-CAUS-PST
- b. *trener marat-nx jeger-t-ter-de*
тренер Марат-ACC бегать-CAUS-CAUS-PST
- ‘Тренер заставил Марата бежать’.

Теория разделения делает, таким образом, неверное предсказание.

Теория отождествления предсказывает неприемлемость (125b) при наличии сценария в (124): согласно (122), участником *e'* должен быть тренер, а не отец или кто-либо еще. Однако теория отождествления также не может быть верна, поскольку она делает патологические предсказания в другом месте. Тренер задействован в (122) в двух ипостасях — как каузатор и самого внешнего (*e*), и промежуточного (*e'*) каузирующих событий. Иными словами, тренер заставляет самого себя склонить Марата к бегу. Соответственно, если принять теорию отождествления, следует ожидать появления разнообразных импликатур, связанных с каузацией себя к совершению определенных действий. Две самых очевидных показаны в (126):

- (126) a. каузировать себя осуществить $\alpha \rightarrow$ осуществить α , преодолевая собственное сопротивление:
‘Тренер с неохотой/против собственной воли велел Марату бежать’.
- b. каузировать себя осуществить $\alpha \rightarrow$ осуществить α без посторонней помощи:
‘Тренер сам, без посторонней помощи, заставил Марата бежать’.

Ничего похожего на эти импликации, однако, у фальшивого каузатива не возникает ни в каком контексте, как показывает (127), и на этом основании теорию отождествления тоже следует отклонить¹⁰.

- (127) *trener marat-nx jeger-t-ter-de*
тренер Марат-ACC бегать-CAUS-CAUS-PST
- ‘Тренер заставил Марата бежать’.
- a. $\{*\rightarrow$ ‘Тренер не хотел, чтобы Марат бежал’. $\}$
- b. $\{*\rightarrow$ ‘Тренеру не понадобилась помощь друзей и родителей Марата’. $\}$

Что дает теория особого отношения? До тех пор, пока характер отношения R в (121) остается непроясненным, не слишком много. Известно лишь, что это отношение отлично от отношений общей и опосредованной каузации, поскольку именно это отличие, согласно

¹⁰ Рецензент «Вопросов языкознания» указывает: «Хотелось бы увидеть соответствующее татарское предложение со словами ‘охотно’ и т. п.». Такое предложение показывало бы, что компонент ‘неохотно’ имеет статус импликации, а не, скажем, пресуппозиции. Однако здесь речь идет о том, что такой компонент вовсе не возникает, даже как импликация.

гипотезе из предыдущего раздела, и обеспечивает реализацию вершины Акт специализированным морфологическим материалом. Кроме того, ясно, что теория особого отношения оперирует цепочкой из двух подсобытий, и этим также отличается от конкурентов, которые предполагают три.

В следующем разделе мы обсудим семантические свойства R и определим его как инкрементальное отношение на событиях.

11. Фальшивый каузатив и инкрементальность

Характер отношения начинает прорисовываться, как только мы принимаем к рассмотрению примеры типа (128) и (129):

(128) Неприемлемый сценарий для фальшивого каузатива:

Тренер велел Марату заниматься на беговой дорожке, а сам ушел по делам.

(129) Приемлемые сценарии для фальшивого каузатива:

- a. Сценарий 1. Тренер велел Марату бежать, и сам бежал вместе с ним, давая указания в процессе бега
- b. Сценарий 2. Пока Марат бежал, тренер устранял с его пути всевозможные препятствия.
- c. Сценарий 3. Тренер велел Марату бежать и наблюдал за процессом бега.

В репертуаре отношений, обсуждавшихся в разделе 7, отношение, соответствующее сценариям в (129), имеется. Это INCR, инкрементальное отношение, которое требует, чтобы части деятельности и (прирастающие) части изменения состояния находились в одно-однозначном соответствии и происходили одновременно.

Таким образом, ключевая гипотеза этого исследования формулируется в (130a) и более неформально в (130b):

(130) a. $R = \text{INCR}$

- b. Фальшивый каузатив возникает при появлении инкрементального отношения между каузируемым и каузирующим (под)событиями.

Если гипотеза в (130) верна, семантика фальшивого каузатива начинает выглядеть как (131):

(131) Теория особого отношения:

$$\| (1) \| = \lambda e. \exists e' [\text{RUN}(\text{Marat})(e') \wedge \text{activity}(e) \wedge \text{causer}(e) = \text{trener} \wedge \text{INCR}(e')(e)(C(e'))]$$

Первый аргумент, подкрепляющий (131), дает дистрибуция фальшивого каузатива по контекстам в (128)—(129). Во всех трех случаях в (129) деятельность каузатора разворачивается во времени параллельно каузируемому процессу, который описывается исходной глагольной группой. Поскольку, как отмечалось выше, дескриптивные свойства этой деятельности каузативный показатель не фиксирует, она может принимать самый разный характер. В (129a) это совместный с каузируемым бег, сопровождающийся раздачей указаний, в (129b) это устранение препятствий. Как видно из (129c), деятельность каузатора может сводиться даже к минимальному контролю за процессом бега. Во всех этих случаях происходящее каузально зависит от того, что делает каузатор.

Как только временная сопряженность двух процессов удаляется из контекста, фальшивый каузатив делается невозможным, как в (128). Это основной семантический аргумент в пользу того, чтобы анализировать отношение между каузирующей деятельностью и каузируемым процессом как инкрементальное.

Аналогичные примеры можно без труда получить и от других глаголов, в том числе неаккузативных. Пример такой возможности — (132):

(132) Контекст: А видит на плите кастрюлю на небольшом огне, в кастрюле плавится кусок масла. А спрашивает В: Что это тут такое? В отвечает:

- a. *alsu maj ere-t-ä*
Алсу масло таять-CAUS-ST.IPFV
b. *ʔalsu maj ere-t-ter-ä*
Алсу масло таять-CAUS-CAUS-ST.IPFV

‘Алсу растапливает масло, (она на минуту отлучилась и сейчас вернется)’.

Каузатив от неаккузативного глагола *eri* ‘таять’ предполагает непосредственную каузацию, I-CAUSE, в отличие от *jeger* ‘бежать’. Многие глаголы, опирающиеся на отношение непосредственной каузации, однако, достаточно легко допускают сценарии с отсутствующим агенсом, как в (132). В (132a) агенсу достаточно придать процессу таяния начальный каузальный импульс, а далее, возможно, периодически контролировать происходящее. Активной целенаправленной деятельности в этом случае не требуется: процесс поддерживается с помощью неагентивных инструментов и артефактов. Этого достаточно, чтобы происходящее можно было описывать как ‘Алсу растапливает масло’ даже при том, что в течение фокусного интервала Алсу не является участником происходящего. Это делает возможным одинарный каузатив в (132a).

Фальшивый каузатив, однако, невозможен. Эта невозможность получает принципиальное объяснение, если мы принимаем (131). Согласно (131), (132b) содержит в себе инкрементальное отношение между деятельностью и процессом, а значит, никакая часть процесса не может осуществиться без непосредственного участия агенса. В сценариях с отсутствующим агенсом это условие не выполняется.

Следующая группа фактов, подкрепляющих анализ фальшивого каузатива в терминах инкрементального отношения, связана с типичными для него импликатурами. В литературе они часто описываются в терминах «интенсивной каузации», при которой каузируемое событие «возникает в результате специальных усилий» [Kulikov 1999]. Л. И. Куликов, в частности, приводит следующий пример из турецкого языка (заимствованный из [Zimmer 1976: 411]; орфография оригинала сохранена):

(133) ТУРЕЦКИЙ

- müddür-e mektub-u aç-tir-t-ti-m*
директор-DAT письмо-ACC открыть-CAUS-CAUS-PST-1SG

‘Я заставил директора распечатать письмо (силой, возможно, против его желания)’.

Такие же импликации отмечены и в мишарском диалекте, как видно из (134)–(135):

- (134) *marat kerim-ni aša-t-tr*
Марат Керим-ACC есть-CAUS-PST

‘Марат накормил Керима’.

- (135) *marat kerim-ni aša-t-tır-dr*
Марат Керим-ACC есть-CAUS-CAUS-PST

‘Марат накормил Керима’.

→ ‘Марат накормил Керима насильно; Керим не хотел есть самостоятельно’.

В нулевом контексте, как показывают эти примеры, ситуация, описываемая фальшивым каузативом, некоторым образом выделяется по сравнению с тем, о чем идет речь в предложении с одинарным каузативом. Распространенная реакция носителей на предложения типа (135) состоит в предположении, что каузатору понадобилось приложить много усилий к тому, чтобы накормить каузируемого, или что каузируемый сопротивлялся кормлению. (Эти элементы интерпретации можно эксплицитно отрицать, не вызывая логического противоречия, что указывает на их статус импликатуры, а не компонента ассерции.)

Как представляется, ровно такие импликации и можно ожидать, если фальшивый каузатив вводит в событийную структуру инкрементальное отношение. Делая выбор в пользу (135), а не (134), говорящий эксплицитно указывает, что любая часть процесса, в котором

(140) — это множество событий, в которых Марат выступает иницирующим агенсом. Эти события приводят к возникновению процесса бега, в котором также задействован Марат. Отношение непосредственной каузации не предполагает не только одно-однозначного соответствия между частями двух ситуаций, но даже и их одновременности. Глагол в (140), соответственно, должен допускать интерпретацию, где вся иницирующая и контролирующая деятельность Марата предшествует процессу его собственного перемещения в пространстве с помощью ног ('Марат заставил себя участвовать в процессе бега'). Такого лексического значения не может иметь ни один агентивный непереходный глагол. Ровно это и предсказывается изложенной выше теорией, причем без каких-либо дополнительных допущений.

12. Аргумент на материале отыменных глаголов

Рецензент «Вопросов языкознания» задает абсолютно справедливый вопрос: «Почему каузативная морфема... должна иметь сверху еще один Akt, ведь в самой синтаксической структуре над каузирующим событием мы никогда его не наблюдаем?.. Получается, что никакой независимой мотивировки у верхнего Akt'a нет, и он как будто бы нужен лишь для того, чтобы объяснить озвучивание Akt_{INCR}... Это выглядит как ad hoc допущение. Между тем мы ожидаем, что поддеревья, соответствующие морфемам, хотя бы иногда целиком выражаются этими морфемами». Этот раздел — попытка предложить частичный ответ.

В данный момент мы не можем предъявить конфигурацию, где лексическая единица *-trr-* из (95) реализует весь свой потенциал к озвучиванию. Возможно, такой конфигурации вовсе нет. С точки зрения наносинтаксического подхода к синтактико-фонологическому интерфейсу это не было бы чем-то сверхъестественным. В имеющихся наносинтаксических исследованиях обсуждаются многочисленные единицы, которые реализуют разные части своей лексической спецификации в разных конфигурациях, но никогда полностью, см. хотя бы исследование пространственных падежей М. Панчевой [Pantcheva 2009].

Можно, однако, предложить дополнительный аргумент в пользу анализа, изложенного в предшествующих разделах, который подкреплял бы предложенную нами морфосинтаксическую конфигурацию и механизм ее морфологической реализации. Аргумент опирается на соображения параллелизма. Мы ожидаем, что, если структуры α и β различаются так же, как А и В, то же можно сказать о моделях их озвучивания. Можно предполагать, что если на дистрибуцию каузативной морфемы влияет семантика отношения между подсобытиями, то это происходит не только в той конфигурации, которая описана выше, но и в других случаях с похожим семантико-синтаксическим профилем. Ниже мы увидим, как появление инкрементального отношения на месте отношения общей каузации, с одной стороны, влечет за собой специализированное морфологическое кодирование, а с другой — реализацию некоторого сегмента структуры каузативной морфемой, хотя в иных случаях условия для ее участия в озвучивании не возникают.

Интересующую нас конструкцию создают отыменные глаголы на *-l(a)-*, которые подробно обсуждаются в [Lyutikova, Tatevosov 2012; Tatevosov 2013], а также [Татевосов 2017]. За подробным материалом мы отсылаем читателя к этим работам. Здесь за неимением места мы опишем явление в самом общем виде.

Несколько отыменных глаголов иллюстрируется в (141).

(141) Отыменные глаголы: класс I

<i>ansat</i> 'легкий'	→ <i>ansatlɟj</i> 'облегчать'
<i>žäfa</i> 'мучение, страдание'	→ <i>žäfalɟj</i> 'мучить, причинять страдания'
<i>däva</i> 'лекарство'	→ <i>dävalɟj</i> 'давать лекарство, лечить'
<i>žir</i> 'земля'	→ <i>žirli</i> 'хоронить'
<i>ɾn</i> 'мука'	→ <i>ɾnlɟj</i> 'посыпать мукой, обваливать в муке'
<i>ijär</i> 'седло'	→ <i>ijärli</i> 'седлать'
<i>jara</i> 'рана'	→ <i>jarylɟj</i> 'ранить'

<i>jäšel</i> ‘зеленый’	→ <i>jäšelli</i> ‘зеленить’
<i>jüeš</i> ‘мокрый’	→ <i>jüešli</i> ‘мочить’
<i>jul</i> ‘дорога, путь’	→ <i>jullɣj</i> ‘направлять, указывать путь’
<i>maj</i> ‘масло’	→ <i>majɣj</i> ‘маслить’
<i>naz</i> ‘ласка’	→ <i>nazɣj</i> ‘ласкать, нежить’
<i>nigez</i> ‘фундамент, основание’	→ <i>nigezli</i> ‘основывать, обосновывать’
<i>par</i> ‘пар’	→ <i>parɣj</i> ‘парить’
<i>tuk</i> ‘сытый’	→ <i>tukɣj</i> ‘насыщать’
<i>xermät</i> ‘уважение’	→ <i>xermätli</i> ‘уважать, оказывать уважение, почитать’

(141) показывает два важных факта. Во-первых, деривационный процесс — один и тот же для существительных (например, *žäfa* ‘мучение, страдание’) и для прилагательных (например, *ansat* ‘легкий’). Во-вторых, показатель *-l(a)-* образует переходные глаголы¹¹.

Если переходный глагол по своим свойствам способен образовывать декаузативный аналог, описывающий изменение состояния, то для этого используется показатель *-l-*, присоединяемый поверх *-l(a)-*. Этот показатель во многих тюркских языках, не исключая татарского, систематически образует декаузативы и пассивы от переходных глаголов. Минимальная пара показана в (142)—(143):

- (142) *marat kap-nɣ jäšel-lä-de*
 Марат коробка зеленый-VRB-PST
 ‘Марат покрасил коробку в зеленый цвет’.

- (143) *žir jäšel-lä-n-de*¹²
 земля зеленый-VRB-DCS-PST
 ‘Земля позеленела (т. е. покрылась зеленью)’.

Значительная часть отыменных глаголов, которые способны к построению каузативно-декаузативных пар, устроена так же, как *jäšelli* ‘делать зеленым, зеленить’ и *jäšellänä* ‘становиться зеленым, зеленеть’ в (142)—(143). Показатель *-l(a)-* у таких глаголов создает переходную конфигурацию; декаузативная клауза образуется дополнительным присоединением пассивно-декаузативного показателя.

Есть, однако, и другая часть. Декаузативный дериват у них устроен так же, как у глаголов первой группы: он содержит комбинацию показателей *-la-* и *-l-*:

- (144) *marat jaklaw-la-n-dɣ*
 Марат ленивый-VRB-DCS-PST
 ‘Марат стал ленивым’.

Для образования переходной клаузы от таких глаголов, однако, одиночный показатель *-la-* непригоден, а соответствующее предложение (145a) неграмматично. Вместо этого используется каузативный показатель *-ɣr-*, подробно обсуждавшийся в предыдущем разделе, который присоединяется к глаголу на *-lan-*, как показано в (145b).

- (145) а. *ʔukɣtuɣ marat-nɣ jaklaw-la-dɣ*
 учитель Марат-ACC ленивый-VRB-PST
 б. *ukɣtuɣ marat-nɣ jaklaw-la-n-dɣr-dɣ*
 учитель Марат-ACC ленивый-VRB-DCS-CAUS-PST
 ‘Учитель сделал Марата ленивым’.

¹¹ Этот же показатель задействован в деривации непереходных глаголов с внешним аргументом, или неэргативов, см. [Татевосов 2017]. Сказанное ниже, насколько мы можем судить, распространяется и на этот класс глаголов.

¹² В (143) и последующих примерах морфема *-l-* реализована алломорфом *-n-*, который обязателен в том случае, если конечный согласный сегмент исходной основы — это *-l*.

Еще несколько глаголов этой группы показаны в (146):

(146) Отыменные глаголы: класс 2

<i>jaxšr</i> 'хороший'	→ <i>jaxšrlana</i> 'улучшаться, становиться хорошим'	→ <i>jaxšrlandrra</i> 'улучшать, воспитывать хорошим'
<i>čül</i> 'пустыня'	→ <i>čüllänä</i> 'опустыниваться'	→ <i>čülländerä</i> 'превращать в пустыню'
<i>saz</i> 'болото'	→ <i>sazlana</i> 'заболочиваться'	→ <i>sazlandrra</i> 'заболочивать'
<i>mumijä</i> 'мумия'	→ <i>mumijälänä</i> 'мумифицироваться'	→ <i>mumijäländerä</i> 'мумифицировать'

Морфологическая картина, которая предстает в этих примерах, выглядит так, как будто у части отыменных глаголов, обладающих и каузативным и декаузативным вариантами, первый морфологически проще и служит деривационным источником второго, тогда как у другой части деривационные отношения устроены противоположным образом. В [Lyutikova, Tatevosov 2012; Tatevosov 2013] мы обосновываем, что членство отыменного глагола в одной из двух групп определяется характером отношения между каузирующим процессом и каузируемым изменением состояния. Глаголы второго класса предполагают инкрементальность: они описывают изменения, происходящие под постоянным воздействием некоторого каузального фактора. Приобретение свойства 'быть ленивым' в (145), например, невозможно в результате единичного каузирующего акта — требуется монотонное каузальное воздействие. Напротив, глаголы из (141), такие как 'делать зеленым, зеленить', описывают отношение непосредственной каузации, которое не требует, чтобы части деятельности и изменения состояния находились в соответствии.

Таким образом, семантика отношения между подсобытиями, локализованная, согласно нашей гипотезе, в вершине Akt, несет ответственность за морфосинтаксическую композицию отыменных глаголов.

В [Lyutikova, Tatevosov 2012; Tatevosov 2013] мы предлагаем анализ, объясняющий эту дистрибуцию. С минимальными модификациями анализ можно соединить с излагаемыми выше соображениями о фальшивом каузативе в общую теорию событийной структуры. Анализ каузатива, предложенный в разделах 7—11, изменений не требует, однако нам понадобятся допущения об отыменной деривации и о декаузативе, которые выше не обсуждались.

По-прежнему следуя [Lyutikova, Tatevosov 2012; Tatevosov 2013], мы исходим из того, что переходные и декаузативные структуры различаются разными типами легкого глагола *v*, как показано в (147a-b):

(147) a. Переходная структура: [_{VP} ... *v*_{EA} [_{AktP} ...]]

b. Декаузативная структура: [_{VP} ... *v*_{INCH} [_{AktP} ...]]

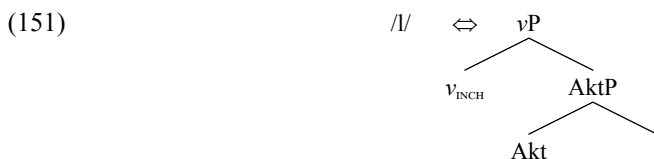
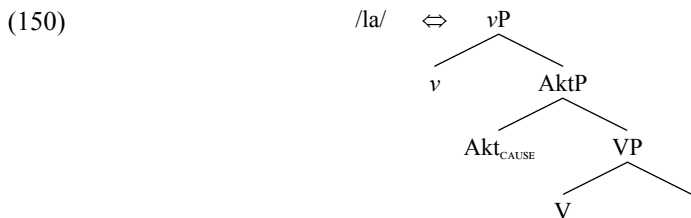
Далее мы принимаем обобщение в (148) (его обоснование приводится в указанных выше работах):

(148) Отыменные глаголы класса 1 и класса 2 проецируют равное количество структуры — группу легкого глагола *vP*.

Минимальное допущение о деривации отыменного глагола состоит в том, что неглагольный компонент — существительное или прилагательное — возглавляет комплемент глагольной вершины V. (Разнообразные частные случаи обсуждаются подробно в [Татевосов 2017]).

(149) [_{VP} V [_{XP} ... X ...]]

Наконец последнее, что необходимо, — это представления для двух словарных единиц, а именно: морфемы *-l(a)-*, производящей отыменные глаголы, и морфемы *-l-*, ответственной за образование декаузатива. Эти лексические представления показаны в (150)—(151):

Согласно (150), показатель *-l(a)-* обеспечивает фонологической реализацией глагольную группу, в том числе группу лексического глагола VP. Способность к озвучиванию VP, собственно, характеризует *-l(a)-* как вербализующую морфему. Кроме того, эта морфема нуждается в каузативном Akt и в ν .

Показатель *-l-* (151) реализует инхоативный вариант вершины ν и совместим с Akt с любыми вторичными признаками.

Опираясь на архитектуру глагольной группы, предложенную выше, на (147)—(151) и на обобщение, согласно которому глаголы классов 1 и 2 различаются тем, что в одном случае используется $\text{Akt}_{\text{CAUSE}}$, а в другом Akt_{INCR} , для глаголов класса 1 мы получаем следующие конфигурации:

(152) Переходная глагольная группа: глаголы класса 1

(153) Декаузативная глагольная группа: глаголы класса 1

В (152) вся последовательность ν — Akt — V реализуется словарной единицей *-l(a)-*. За ν_{EA} с ней конкурирует каузативный показатель *-tr-*, за Akt — каузативный показатель и декаузативный показатель, за V никто не конкурирует. В соответствии с принципом «Побеждает крупнейший» показатель *-l(a)-* выигрывает: только он позволяет реализовать всю структуру, за вычетом неглагольного компонента.

В декаузативной конфигурации показатель *-l(a)-* по-прежнему вне конкуренции по части реализации V. Показатель *-l-* конкурирует с ним за ν_{INCH} и выигрывает как более специфичный, согласно принципу «Побеждает точнейший». Этот же принцип, кроме того, наделяет его полномочиями озвучивать Akt: когда это происходит, у *-l-* не остается неиспользованных узлов в лексическом дереве. У показателя *-l(a)-* был бы один такой узел (ν), а у каузативного показателя два (ν и оставшийся Akt).

Рассмотрим глаголы класса 2. Эти глаголы отличаются тем, что отношение между деятельностью и изменением состояния инкрементально, что отражается вторичным признаком [incr] у вершины Akt. Переходная и декаузативная глагольные группы, создаваемые такими глаголами, и их озвучивание показаны в (154)—(155).

(154) Переходная глагольная группа: глаголы класса 2

(155) Декаузативная глагольная группа: глаголы класса 2

Декаузативная структура глаголов класса 2 в (155) принципиально ничем не отличается от соответствующей структуры в (153). Однако для переходной структуры изменение отношения, отражаемое вторичным признаком у Akt, имеет решающие последствия. Akt больше не может быть реализован словарной единицей *-l(a)-*, специфицированной как Akt_{CAUSE}. За него конкурируют декаузативный показатель *-l-* и каузативный *-t\ddot{r}r-* (причем в этой структуре задействована «верхняя» часть его лексического дерева в (95) — та вершина Akt, которая не несет вторичных признаков). Принцип «Побеждает точнейший» дает преимущество словарной единице *-l-*. Она не реализует лишь один узел своего лексического поддерева, тогда как *-t\ddot{r}r-* не реализует два. За озвучивание вершины *v* конкурируют *-l(a)* и *-t\ddot{r}r-*; последний как более специфичный (в его лексическом дереве имеется *v_{EA}*) побеждает.

Возможный и невозможные варианты реализации глагольной группы, проецируемой переходным глаголом от основы *jaklaw* ‘ленивый’, показаны в (156):

(156) *jaklaw-la-n-d\ddot{r}r*

#jaklaw-la-t-t\ddot{r}r

**jaklaw-la-n-la*

Морфосинтаксический профиль (156) очень похож на фальшивый каузатив. В последовательности *v* — Akt, как и у фальшивого каузатива, каждый элемент имеет специализированное выражение, и происходит это ровно в тех же условиях: Akt вводит инкрементальное отношение. Кроме того, и в том и в другом случае легкий глагол *v* озвучивается каузативным показателем. Различие сводится к тому, что у фальшивого каузатива Akt_{INCR} реализуется самой каузативной морфемой, а у отыменных глаголов — показателем *-l-*, который мы наблюдаем также и в декаузативной конфигурации.

При ближайшем рассмотрении это различие не кажется неожиданным. По всей видимости, декаузативный элемент способен участвовать в морфологической реализации лишь такого материала, который расположен локально по отношению к лексической вершине V.

На это указывает невозможность декаузативной интерпретации показателя *-l-*, расположенного от V на большем структурном расстоянии, например присоединяемого поверх каузатива от переходного глагола:

(157) a. *marat e\ddot{s}ik-ne ac-rl-d\ddot{r}*

Марат дверь-ACC открывать-DCS-PST

‘Марат открыл дверь’.

b. *e\ddot{s}ik ac-rl-d\ddot{r}*

дверь открывать-DCS-PST

1. ‘Дверь была открыта (кем-то)’.

2. ‘Дверь открылась’.

(158) a. *kerim marat-tan e\ddot{s}ik-ne ac-t\ddot{r}r-d\ddot{r}*

Керим Марат-AVL дверь-ACC открывать-CAUS-PST

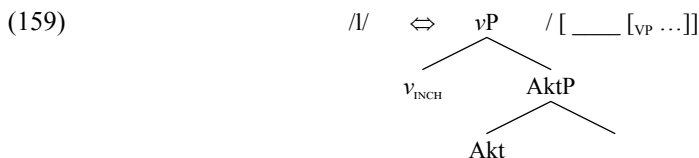
‘Керим заставил Марата открыть дверь’.

- b. *ešik Marat-tan ac-tır-ıl-dı*
дверь Марат-ABL открывать-CAUS-DCS-PST

1. 'Дверь была открыта Маратом (по чьему-то распоряжению)'.
2. *'Дверь открылась'.
3. *'Случилось так, что Марат открыл дверь'.

В (157a-b) показан непроизводный переходный глагола *ac* 'открывать' и форма на *-l-*, которая допускает два прочтения — пассивное и декаузативное. В (158a-b) представлен каузатив от глагола *ac* 'открывать' и соответствующая форма на *-l-*, сохраняющая каузируемого в аблативе. Она допускает пассивную интерпретацию 1 в (158b), которая, как и интерпретация 1 в (157b), содержит в семантическом представлении имплицитного каузатора. Однако ни декаузативная интерпретация 2 в (158b), идентичная интерпретации 2 в (157b), ни гипотетическая декаузативная интерпретация 3 в (158b) в этом случае невозможна.

Эти факты, как кажется, указывают на то, что лексическую спецификацию декаузативного показателя следует уточнить, ограничив его жизненное пространство слоем структуры, непосредственно доминирующим над группой лексического глагола VP:

С уточнением в (159) показатель *-l-* будет невозможен в конфигурациях с фальшивым каузативом, где он реализовывал бы вершину Akt_{INCR} , что позволяет исключить неграмматичный вариант вида (160b):

- (160) a. Возможный фальшивый каузатив: *jeger-t-ter*
b. Невозможный фальшивый каузатив: **jeger-el-der*

Мы надеемся, что дополнительный аргумент в пользу предложенного анализа, изложенный в этом разделе, убедит сомневающегося читателя в его правдоподобности. Этот аргумент не показывает, что лексическая спецификация каузативного показателя с необходимостью устроена в соответствии с (95). Однако он, как кажется, дает важное дополнительное свидетельство в пользу общей архитектуры теории, опирающейся на радикальную предикатную декомпозицию и предполагающую, что отношение между подсобытиями имеет самостоятельную репрезентацию, а его характеристики тем самым имеют последствия для морфологической реализации структуры.

На этом сюжет этой статьи исчерпан. Мы готовы суммировать ее основные результаты.

13. Заключение

Случай, когда каузативный показатель не оказывает видимого воздействия на актантную структуру предиката, который мы назвали фальшивой каузативизацией, дает много возможностей проверить на эмпирическую адекватность наличные теории каузативизации. Отвергнув несколько альтернатив, мы пришли к выводу, что фальшивая каузативизация запускается, если отношение между каузируемым и каузирующим событиями отлично от стандартного каузального отношения.

Мы рассмотрели несколько эмпирических аргументов в пользу того, что особенность отношения между событиями, наблюдаемая в мишарском диалекте при фальшивой каузативизации, сводима к хорошо известному случаю — инкрементальному отношению, описанному С. Ротстин [Rothstein 2004], см. также [Lyutikova, Tatevosov 2012; 2014; Tatevosov 2015].

Такой анализ обладает несколькими эмпирическими преимуществами. Он объясняет контекстные ограничения на фальшивый каузатив, позволяет сгенерировать верные импликатуры и отклонить одинарную фальшивую каузативизацию как создающую предикат, описывающий невозможные события.

В завершение отметим одну возможность, которую мы не пытаемся исследовать в этой статье. Инкрементальная каузация в случае неэргативных глаголов типа 'бежать' создает каузатив, который отличается и от стандартного прямого каузатива, и от стандартного опосредованного каузатива. Как и в случае опосредованного каузатива, и каузатор и каузируемый могут иметь агентивные свойства. В отличие от опосредованного каузатива, однако, каузатор должен оказывать постоянное каузальное воздействие на происходящее с каузируемым, то есть, скорее всего, по меньшей мере присутствовать при осуществлении каузируемой ситуации. Все это делает фальшивый каузатив очень похожим на социативный каузатив, описанный в [Shibatani, Pardeshi 2002] и (пока не очень значительной) последующей литературе, в первую очередь на материале языков тупи-гуарани.

Если мишарский фальшивый каузатив предполагает инкрементальную каузацию, а социативный каузатив М. Сибатани похож по семантике на фальшивый каузатив, можно сделать следующий шаг и предположить, что ключевой семантический компонент социативной каузации (возможно, наряду с другими) — это инкрементальное отношение на событиях. Проработку этой гипотезы мы проводим в [Tatevosov 2017], но этот сюжет выходит далеко за рамки того, что мы планировали обсудить в этой статье.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	IPFV — имперфектив
ABL — аблатив	NOM — номинатив
ACC — аккузатив	PP — предложная группа
Akt — лексический аспект	PST — прошедшее время
AktP — группа лексического аспекта	REFL — рефлексив
CAUS — каузативный показатель	SG — единственное число
CP — группа комплементаризера	Spec — спецификатор
DAT — датив	ST — производная основа
DCS — декаузатив	TP — группа времени
DP — именная группа	V — глагол
EA — внешний аргумент	v — легкий глагол
EI — идентификация событий	VP — глагольная группа
INCH — инхоатив	vP — группа легкого глагола
INCR — инкрементальное отношение	VRB — вербализатор
INSTR — инструменталис	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Недялков, Сильницкий 1969 — Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Холодович А. А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 20—50. [Nedyalkov V. P., Sil'nitskii G. G. Typology of lexical and morphological causatives. *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ*. Kholodovich A. A. (ed.). Leningrad: Nauka, 1969. Pp. 20—50.]
- Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Tatevosov S. G. *Actionality in lexicon and grammar: The verb and event structure*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]
- Татевосов 2017 — Татевосов С. Г. Событийная структура некоторых отыменных глаголов // Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. (ред.). Татарский язык в типологическом освещении. Мишарский диалект. М.: Буки Веди, 2017. С. 249—281. [Tatevosov S. G. Event structure of some denominal verbs. *Tatarskii yazyk v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialect*. Tatevosov S. G., Pazel'skaya A. G., Suleimanov D. Sh. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2017. Pp. 249—281.]

- Alsina 1992 — Alsina A. On the argument structure of causatives. *Linguistic Inquiry*. 1992. Vol. 23. No. 4. Pp. 517—555.
- Caha 2009 — Caha P. *The nanosyntax of case*. PhD dissertation. Tromsø: UiT — The Arctic Univ. of Norway, 2009.
- Dixon 2000 — Dixon R. M. W. A typology of causative: Form, syntax and meaning. *Changing valency: Case studies in transitivity*. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. Pp. 30—83.
- Dowty 1979 — Dowty D. R. *Word meaning and Montague grammar*. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Falk 1991 — Falk Y. Causativization. *Journal of Linguistics*. 1991. Vol. 27. No. 1. Pp. 55—79.
- Harley 2008 — Harley H. On the causative construction. *Oxford handbook of Japanese linguistics*. Miyagawa Sh., Saito M. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 20—53.
- Kratzer 1996 — Kratzer A. Severing the external argument from its verb. *Phrase structure and the lexicon*. Rooryck J., Zaring L. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1996. Pp. 109—137.
- Kratzer 2005 — Kratzer A. Building resultatives. *Event arguments in syntax, semantics, and discourse*. Maienbaum C., Wollstein-Leisen A. (eds.). Tübingen: Niemeyer, 2005. Pp. 177—212.
- Kulikov 1999 — Kulikov L. Remarks on double causatives in Tuvan and other Turkic languages. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1999. Vol. 88. Pp. 49—58.
- Lewis 1973 — Lewis D. Causation. *Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. No. 17. Pp. 556—567.
- Lyutikova, Tatevosov 2012 — Lyutikova E., Tatevosov S. A finer look at predicate decomposition: Evidence from causativization. *Empirical issues in syntax and semantics 9*. Piñon Ch. (ed.). Paris: CSSP, 2012. Pp. 207—224. Available at: <http://www.cssp.cnrs.fr/eiss9/>
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — Lyutikova E., Tatevosov S. Causativization and event structure. *Causation in grammatical structures*. Copley B., Martin F. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. Pp. 279—327.
- Miyagawa 2012 — Miyagawa Sh. Blocking and causatives: Unexpected competition across derivations. *Case, argument structure, and word order*. Miyagawa Sh. New York: Routledge, 2012. Pp. 202—223.
- Pantcheva 2009 — Pantcheva M. Directional expressions cross-linguistically: Nanosyntax and lexicalization. *Nordlyd*. 2009. Vol. 36. No. 1 (Special issue on Nanosyntax). Pp. 7—39.
- Parsons 1990 — Parsons T. *Events in the semantics of English*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1990.
- Pylkkänen 2002 — Pylkkänen L. *Introducing arguments*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 2002.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Rothstein 2004 — Rothstein S. *Structuring events: A study in the semantics of lexical aspect*. Malden: Blackwell Publ., 2004.
- Shibatani 1973 — Shibatani M. Semantics of Japanese causatives. *Foundations of Language*. 1973. Vol. 9. No. 3. Pp. 327—373.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum. *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Shibatani M. (ed.). (Typological Studies in Language, 48.) Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 85—126.
- Starke 2010 — Starke M. Nanosyntax: A short primer to a new approach to language. *Nordlyd*. 2010. Vol. 36. No. 1. *Special issue on nanosyntax*. Svenonius P., Ramchand G., Starke M., Taraldsen K. T. (eds.). Pp. 1—6.
- Tatevosov 2013 — Tatevosov S. Decomposing event structure: Evidence from denominal verbs in Tatar. *Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics*. Ozge U. (ed.). Cambridge (MA): MIT-WPL, 2013. Pp. 349—360.
- Tatevosov 2017 — Tatevosov S. On sociative causation. Ms. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2017.
- Tubino Blanco 2011 — Tubino Blanco M. *Causatives in minimalism*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Zimmer 1976 — Zimmer K. Some constraints on Turkish causativization. *Syntax and semantics 6: The grammar of causative constructions*. Shibatani M. (ed.). New York: Academic Press, 1976. Pp. 399—412.